

Осколки мориона

Павел Рязанцев

Павел Владимирович Рязанцев

Осколки мориона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69395515

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда раскалывается морион, волшебный кристалл, высвобождается энергия, способная дарить жизнь и уничтожать миры, нести озарение и выжигать разум. Энергия Творчества. Но неужели то, что осталось от мориона, не несёт в себе и толики этих чар? Несёт, да ещё как... Ужасы, вызывающие дрожь и отвращение. Юмор, позволяющий смеяться сквозь слёзы. Фантазии, заставляющие взглянуть на реальность под другим углом. Вот что ждёт читателя на страницах сборника «Осколки мориона». Обломки камня, из которого высекли скульптуру, сами становятся чем-то большим.

Содержание

Уникальность	4
Скажи мне, кто твой ребёнок...	7
Ужасные коротыши	25
Подарок	27
Дилетант	32
Прорыв	34
Похороны моего сердца	37
Они ползут	44
Новое прочтение	46
Хтонь и вонь	48
Как в телевизоре	52
Естественная манера обращения	55
В плену	63
Один день из жизни рок-звезды	64
Цветомузыка	66
Выход?	68
Ошибка выбывшего	78
Вендиго	85
Лесная Венера	87
Когда деревья снова станут зелёными	89
Корень проблемы	94
Резиновые изделия жаждут крови!	96
Перекрёсток	110

Павел Рязанцев

Осколки мориона

Уникальность

Вновь зазвонил будильник. Глебу даже не приходилось заставлять себя вставать – условный рефлекс уже выработался.

Ничего в корне не менялось. Что в институт, что на работу приходилось тащиться со слипающимися глазами. Тело уже заучило маршрут. Мерзковатое ощущение подступающей простуды не отпускало ни на день. Грань очень тонка, а жизнь – сплошная эквилибристика. Но ты всё равно рухнешь в пучину депрессии: от усталости или после прыжка веры, прыжка отчаяния – нервного срыва.

«Как же задолбало...»

Всё же этот день принёс Глебу не только очередное разочарование в жизни, но и встречу с призраком, призраком прошлого. А может, настоящего.

Большая часть дороги – что из дома, что домой – приходилась на метро. Метро – это место самых мимолетных встреч из всех, что врезаются в память. Очередная бабулька своим кряхтением согнала Глеба с места. Читать книгу в переполненном вагоне – то ещё удовольствие, и не всякая книга до-

стойна этой жертвы. Пришлось Глебу облокотиться на дверь («”Не прислоняться!” А куда мне, по-твоему, деться? В окно, на рельсы?»)

и слушать, как стайка первокурсниц хихикает над фотографиями в студенческих билетах и обсуждает аспирантов. Глеб невольно заглядывался на них: светящиеся глаза, длинные красивые волосы, хищные улыбки. Одна из девушек лицом и голосом напоминала его однокурсницу. Очень хотелось подойти, вклиниться в разговор, спросить, не родственницы ли они. Но зачем?

«Даже не знаю, чего мне больше хочется: проломить этим курицам черепа или тра...»

– Нельзя всё время быть такой! – Незнакомый голос прервал размышления. Глеб оглянулся, хотя фраза адресовалась явно не ему.

Мать с дочерью. Девочка в чёрном и с короткой стрижкой, судя по едкому взгляду, недавно вошла в пубертатный возраст.

– А какой мне быть? Улыбаться всем, кого ненавидишь и в гробу видела?

– Так ты никому не улыбаешься! Глядишь как на кучу изпод коровы!

– Ну, так я всех ненавижу!

Глеб не удержался и хохотнул, неловко прячась от взглядов за телефоном. Места вокруг парня стало больше. Можно бы и книгу достать, но уже не хотелось.

– Где-то я это уже слышал! – Глеб надел наушники и привычно просматривал ленту в соцсетях: фильмы ужасов, тяжёлый метал, какие-то картины каких-то художников («Я же интеллигент»), стихи, мемы с котиками... – Ладно, посмотрим, какие истории ты расскажешь сегодня...»

Скажи мне, кто твой ребёнок...

Десятиклассник Слава слез с подоконника за секунду до звонка. Рома, сидевший рядом, пожал плечами: его друг всегда чувствовал, когда должен начаться этот мерзкий звон.

– Ну что, пошли смотреть на потомков!

Рома вяло нацепил рюкзак на плечи и поплёлся за товарищем.

Почти все одноклассники собрались в кабинете истории. На ватмане, свисавшем с потолка на ниточках, красовалось разноцветное «ЗДРАВСТВУЙТЕ, СОЛНЫШКИ!». В воздухе витало напряжение. Девочки сбились в кучки и звонко щебетали, делясь своими ожиданиями.

– У твоих наверняка будут милые веснушки, как у тебя.

– Даша вообще будет жить как при детсаде. Вы только посмотрите на это лицо! Это же лицо матери-героини!

Тихоня Олеся, что всегда оставалась без компании, молча колдовала над приложением ChildFace Forecast и улыбалась, сверкая брекетами и очками.

Парни радовались тому, что вместо урока истории будет нечто менее мутное, да ещё и без домашнего задания. Однако неизвестность будоражила воображение, и подколы сегодня звучали чаще обычного.

– Спорим, у тебя уроды будут!

– Не будут. Их, как и твоего будущего, не будет вообще.

– Лол!..

– Как думаешь, зачем это вообще нужно? – Слава не любил сидеть на первой парте, но очень уж хотелось поболтать с «яйцеголовым» другом. – Ну, типа, зачем нам сейчас встретиться со своими детьми из будущего?

Рома вздохнул и поднял усталые глаза на друга.

– Не знаю, – грустно сказал он и перевёл взгляд на учительский стол. Сейчас за ним никто не сидел, но обычно оттуда за учениками наблюдает Виктория Антоновна: строгая и взыскательная под стать своему предмету. Несмотря на это, Слава был весел, а держать эмоции в себе не хотелось. Поэтому он развернулся к Роме, насупился и пафосно выдал: «Что же так? Неужели у вас, Роман Как-Вас-Тамович, нет на сей счёт никаких предположений?»

Закончив фразу, школьник рассмеялся. Притворяться взрослым можно сколь угодно долго, но лишь при условии, что окружающие подыгрывают.

«Роман Как-Вас-Тамович» не подыграл: он вслушивался в какой-то явно неприятный шум. Слава уже успел отчаяться ждать, когда Рома ответил.

– Они хотят убедить нас, что всё не напрасно. Что от нас и нашей прилежности что-то зависит.

– Через детей? Типа «усердно учись, хорошо сдай экзамены, и у тебя будет жена, хорошая работа и счастливые дети»?

– Типа того.

– Но это же бред!

– Я знаю, но «сверху» считают, что...

Рома не успел договорить. На пороге возникла Виктория Антоновна. Школьники кинулись к своим местам, и через несколько секунд грохота в классе воцарилась образцовая тишина.

Учительница остановилась напротив доски.

– Здравствуйте, садитесь.

Загрохотали парты и скамьи, и через секунду снова стихло. Виктория Антоновна обернулась к двери и кивнула. Головы учеников рефлекторно качнулись. Вошли двое. Сначала это был гладко выбритый мужчина в военной форме, а потом появился в меру упитанный персонаж в солидном сером костюме с галстуком. Они остановились рядом с учительницей и развернулись лицом к партам.

– Дети, это Виталий Евгеньевич Самойлов, наш военный комиссар. – Военный обвёл присутствующих ленивым взглядом. – Мальчики скоро встретятся с ним снова, и не раз.

После этих слов радости в глазах школьников поубавилось.

– А это Герман Соломонович Астахов, помощник заместителя главы городской администрации, – отчеканила учительница на одном дыхании. Мужчина улыбнулся краями рта и чуть наклонил голову.

Амбициозная Валерия, что сидела напротив чиновника, ответила улыбкой во все зубы, лица же остальных неприлич-

но скривились.

– Думаю, вы уже знаете, что сегодня будет необычный урок, – продолжала Виктория Антоновна. – Сразу скажу, что ничего подобного в моей молодости не было, и в нашей школе случится впервые. Вы можете считать себя первопроходцами и счастливчиками. Так ведь, Герман Соломонович?

Чиновник одобрительно промычал и вышел вперёд. Учительница, понимая, что исполнила свою роль на ближайшие полчаса, села за стол.

– Что же, вы совершенно правы: мероприятие подобного рода проводится в первый раз, – чиновник прокашлял горло и обратился к ученикам: – Собственно, меня уже представили. Должен сказать, что программа «Обратная связь», участие в которой вы сейчас примете – это результат многих лет работы исследовательского центра «Сколково»...

Слава уже успел пожалеть, что остался на первой парте, да ещё и напротив стола Виктории Антоновны. От скучной речи не менее скучного оратора хотелось пристроить голову на ладони и задремать, но подобная выходка сулила большие неприятности.

– В молодости мы все совершаем глупости, – тем временем продолжал чиновник. – Не подумайте, что я вас в чём-то обвиняю, это не так. Я уверен, вы станете... достойными членами общества. Но, согласитесь, когда родители, бабушки, дедушки, учителя, – кивнул на Викторину Антоновну, – учат вас, как жить, чем заниматься, на кого учиться; что-то

за вас решают... В общем, не понятно, к чему это всё приведёт, и вообще, вдруг они – или вы – в чём-то неправы. У вас сейчас очень сложный период, я вас прекрасно понимаю. Я и сам, когда оканчивал школу...

– Это всё, Герман Соломонович, замечательно, – вмешалась Виктория Антоновна, – но, возможно, стоит уже рассказать детям, для чего мы здесь собрались? Уверена, детям очень интересно, что за агрегат стоит в коридоре.

Класс переполошился. На задних партах загудели. Все покосились на дверной проём. Ученики с ближайших к двери парт попытались выглянуть в коридор, насколько позволяли обстоятельства. Славе, например, удалось заметить тень, а Валерия углядела силуэт человека и... шкафа?

– Согласен, пора переходить к делу, – оживился военный и скомандовал в коридор: – Ввозите!

– Да, ввозите! – поддержали чиновник и учительница.

Из коридора раздался шум, точно на лестницу опрокинули шкаф с инструментами. Лица что учеников, что старших скривились. Прежде чем все смогли увидеть источник мерзкого дребезжания, в дверном проёме появился человек: сначала спина, а затем и весь целиком. Это был невзрачный мужчина с заросшим лицом и в очках. На локтях его коричневого пиджака красовались квадраты то ли мнимых, то ли настоящих заплаток.

– Ну же, Степан Анатольевич, не томите! – попытался усмехнуться Герман Соломонович; стиснутые зубы не дела-

ли его улыбку красивее.

Наконец, перед округлившимися глазами учеников предстал и источник шума, что должен был обосноваться на месте, предусмотрительно освобождённое чиновником и военным. Было трудно, но Степан Анатольевич благополучно протащил агрегат в дверной проём.

– Давайте-давайте, ещё немного! – прикрикнул Герман Соломонович, сверяя время на последней модели импортного CherryPhone со временем на настенных часах, висевших над доской с советских лет.

«Двадцать первый век, однако», – подумал Слава, и на его лице отпечаталась саркастичная усмешка: Виктория Антоновна и Виталий Евгеньевич также уткнулись в смартфоны. Видимо, действия чиновника имели тот же эффект, что и зевок в толпе. Или у взрослых возникли срочные дела в цифровом пространстве. И у ребят на задних партах. На средних тоже. Они бы появились и у Славы с Ромой, если бы не суровый, но тщательно выверенный тычок учительской туфли в Ромину голень. Рома промолчал, но Слава всё понял по его хмурому лицу. Больно, но привычно.

– Фу-ух! – лицо Степана Анатольевича напоминало свежевывытую почищенную свёклу: такое же мокрое, красное и блестящее. – Если бы мне сказали, что придётся тащить всё самостоятельно... Привет, ребята! – обратился он к классу, отдышавшись. – Собственно, вот наша машинка.

Похожий одновременно на капсулу криосна, инкубатор

и дорогой вьетнамский холодильник, чудо-аппарат едва не упирался в потолок и почти полностью закрывал собой тёмно-зелёную плоскость доски. Последняя, впрочем, школьничков и не интересовала, почти все взгляды притягивало к себе детище инженерной мысли; остальные же сошлись на взмокнувшем учёном.

«Интересно, он женат?», «И почему никто из этих бравых мужиков не захотел помочь ботану переть сюда эту... эту хрень?», «Блин, сейчас точно лекция будет. Кто-нибудь, убейте меня!»

– Мы с коллегами в лаборатории назвали её биоиндикативным хрономодулятором ноосферного подключения...

– Хрономодулятор! Лол! – раздалось с задних парт, и по рядам прошла волна смешков. Виктория Антоновна хотела было схватиться за указку, но в последний момент передумала. Всё-таки некрасиво.

– Да уж... Знаю, что вы, ребята, гуманитарной направленности и не очень разбираетесь в физике и биотехнологиях, но всё равно попробую объяснить принцип работы.

– Да, пожалуйста, – отозвалась Виктория Антоновна за класс, – нам всем очень интересно.

Учёный растерянно улыбнулся.

– На пальцах: вся информация о человеке, о его прошлом, настоящем и будущем, все возможные комбинации событий – всё уже хранится в ноосфере Земли. Нужно лишь извлечь то, что требуется, из этого массива. Это не так-то просто!

Я вам больше скажу, это невозможно! Это надо перерыть миллионы терабайтов неоцифрованных данных, не зная при этом, что ищешь!

– Великий вызов для великих умов! – воскликнул Герман Соломонович.

Степан Анатольевич сардонически улыбнулся.

– Мы пока в процессе работы, но нам удалось обнаружить две закономерности, на основе которых и создали хрономодулятор.

– Что за закономерности? – донеслось с дальних рядов.

– Первая заключается в том, что любое событие влияет на биополе человека и на то, в каком «сценарии» из всего массива он живёт. Вернее даже... в какой «связке» «сценариев» он живёт.

– Ну, то есть, если батя меня вечером наругает, я стану другим человеком и буду жить в другом сценарии?

– Э-эм-м... да-а...

– А что за второй прикол?

– Второй принцип? Тело человека, его генетический код плюс изменчивое биополе – это своеобразный маркер, за который можно ухватиться, чтобы найти конкретную информацию. Чтобы выйти к актуальному «сценарию».

– Понятно. И это позволяет путешествовать во времени?

– Нет-нет, до этого ещё далеко! Речь пока идёт лишь о моделировании наиболее вероятного варианта будущего.

– А почему нам говорили, что сегодня мы увидим наших

детей?

Учёный повернул голову в сторону хрономодулятора.

– Собственно, моделирование кинетической проекции биополя с близким биохимическим составом – это именно то, чего нам, как нам кажется, удалось достичь.

Теперь шумели не только задние парты – галдел весь класс. Моментально «вырос» столь редкий для кабинета истории «лес рук».

Вдруг военный вышел вперёд и хмуро оглядел школьников. «Лес рук» торопливо «срубили».

– Время! Пора начинать тестирование!

– Так, ребята, – подал голос чиновник, – по одному, по очереди...

Первой вызвалась Валерия. Гудящий и искрящийся шкаф хрономодулятора пугал, но быть первой – значит быть первой во всём. Валерия спиной чувствовала завистливые взгляды подруг, и это придавало уверенности. Глаза Германа Соломоновича лучились безразличием, но девочка не замечала. Степан Анатольевич прилепил на лоб Валерии присоску и принялся колдовать над выдвижной клавиатурой хрономодулятора. По бокам капсулы открылись несколько секций с антеннами и датчиками, и все они навелись на Валерию. У девочки перехватило дыхание.

Светодиоды бешено замигали, гудение усилилось. Взрослые, кроме Степана Анатольевича, закрыли уши ладонями, опасаясь за сохранность слуха. Школьники не отводили

взгляда от спины съёжившейся одноклассницы и капсулы, в которой что-то происходило.

Вдруг механизм завыл, напугав девушек и особо чувствительных парней до вскрика. Но ничего страшного не случилось, лишь светодиод загорелся зелёным, и капсула раскрылась.

Все, кто ещё сидел, встали.

Валерия застыла с открытым ртом: из капсулы вышла маленькая девочка. Её медово-жёлтые волосы спадали на платьице, своими узорами из жемчуга произведшее неизгладимое впечатление и на школьниц, и на Викторию Антоновну: последняя неодобрительно покачала головой, потупив взор.

Закрытые доселе веки затрепетали, и через секунду на едва не пятящуюся Валерию смотрели ясные голубые глаза.

– Мамуля!

У Валерии задрожали колени, и она едва не упала, когда ребёнок выпрыгнул из капсулы, а маленькие ручки обхватили будущую маму крепко-крепко. Валерия так часто дышала, будто стоило малышке чуть-чуть ослабить хватку – и девушка рухнет на пол без чувств.

– Мамочка, ты приходи на мой день рождения! – визжало ещё не родившееся дитя. Белая как чистый свет блузка мокла от горячих слёз; такие же капали на локоны малышки со щёк Валерии. Её прерывистое дыхание не на шутку встревожило подруг, но учёный остановил школьниц: «Это её история, только её история!»

– Мне не нужны дорогие подарки, мамочка! Ты только приходи! Только приходи хоть раз!!!

– Я... Я...

– МАМОЧКА! СКАЖИ, ЧТО ПРИДЁШЬ! ПООБЕЩАЙ МНЕ!!!

– А-а-а... Да-а... Я приду-у! Приду...

Электронный писк кнопок, и девочка исчезла, словно изображение с угасающего монитора. Степан Анатольевич расплылся в улыбке. Герман Соломонович протёр глаза. Виталий Евгеньевич выронил телефон.

Оглядев удивлённые лица школьников, учительницы и чиновников, учёный расхохотался.

Валерия стояла, шатаясь и не имея сил сдвинуться с места или даже поднять голову. Лишь когда хохот Степана Анатольевича начал угасать, и в классе вновь воцарилась тишина, девушка поднесла к лицу дрожавшие руки. Сидевшие на первой парте по бокам, включая Рому и Славу, видели эти широко раскрытые глаза и подёргавшиеся губы.

– Я приду... – прошептала Валерия.

– Да помогите же ей, в конце-то концов! – очнулась Виктория Антоновна. Две девушки вскочили с мест и, аккуратно поддерживая Валерию под руки, увели её к последней парте. Через несколько секунд туда же совместными усилиями, передавая с парты на парту, доставили и портфель.

Одна из одноклассниц осталась с классным первопроходцем. Вскоре Валерия затихла.

– Так, ладно, – комиссар успел прийти в себя и подобрать телефон. – Ну, парни, есть кто смелый?

Парни и девушки по очереди подходили к агрегату, и Степан Анатольевич повторял процедуру с присоской и антеннами. Каждый раз, когда кто-либо из мальчиков, будь то красавец-спортсмен Серёжа, живчик Никита или хулиган Коля, подключался к хрономодулятору, мобильные телефоны военного комиссара и чиновника жужжали и вибрировали. Дети многих парней предстали бедно одетыми, да и выглядели не очень счастливыми. Но для военного комиссара это было неважно, и он удовлетворённо мычал.

Не все горели желанием испытать те же эмоции, что и Валерия: она всё ещё приходила в себя за последней партой. А может, слишком стеснялись демонстрировать свои чувства окружающим. Так, в конце очереди стояли Даша – та самая обладательница лица «матери-героини», Рома, Слава и Олеся. Казалось, время играло на их стороне: учёный действовал быстро, но заставить машину работать быстрее, видимо, выше его сил. А ведь звонок с урока уже прозвенел...

– Дамы могут быть свободны, – объявил комиссар, – но все мужчины должны отстоять своё!

Несколько девушек перед Дашей воспользовались возможностью и с молчаливого согласия Виктории Антоновны шустро покинули класс. Парни, что уже взглянули в глаза своим будущим чадам, засуетились.

– А мы можем идти? – поднял руку один из них. – Те, кто

уже прошёл?

– Я думаю, у Виталия Евгеньевича ещё есть, что вам сказать! – Учительница словно вспомнила о своей строгости, и школьники с досадой повесили портфели обратно на крючки.

Пришла очередь Даши. Минутные приготовления заторопившегося учёного – и в капсуле материализовался ребёнок. Второй. Третий...

– Прекрасно! Просто прекрасно! – изо всех сил улыбался чиновник. – Уверен, в будущем будут очень хорошие программы поддержки многодетных семей. – и добавил шёпотом: – И матерей-одиночек тоже.

Даша заплакала. Серёжа, Никита и Коля молча отвели взгляд: из капсулы к однокласснице вышли дети, только что виденные каждым из них. *Их* дети.

Рома вышел вперёд как на эшафот. Слава заметил, как друг вжал голову в плечи под взглядом Виктории Антоновны; со стороны примерный ученик напоминал нашкодившего отличника, которого впервые в жизни вызвали к директору. В глазах учёного, что до сих пор не особо рассматривал своих «подопытных кроликов», промелькнуло участие.

– Бывает, парень, бывает, – шепнул он, привычно прицепляя присоску ко лбу подростка, а затем вернулся к панели.

Привычное мигание светодиодов, приевшееся гудение

старого холодильника. В воздухе снова повисло напряжение, словно двадцатый по счёту эксперимент был первым.

Всё случается впервые. Всё случается в последний раз.

Учительница улыбалась во все зубы. Рома мелко дрожал. Перед школьником стояли мальчик и девочка ростом ему по плечо.

Олеся выглядывала из-за спин одноклассников, сжимая во вспотевших ладонях телефон. Её лицо напоминало калейдоскоп – так резко и часто сменялись эмоции, пока взгляд прыгал с экрана смартфона на детей и обратно.

– Вот какие красавцы! – весело запричитала Виктория Антоновна, обращаясь к Роме. – Видишь? *Мы всё делаем правильно! Я всё делаю правильно!*

«А ведь молодец! – радовался Слава за друга. – Симпатичную себе отхватил, не ожидал!»

Дети Славы стояли как вкопанные и глядели в пол. Виктория Антоновна сделала нетерпеливый жест, как бы подталкивая ученика к действиям. Учёный же, заметив безмолвную команду, активно жестикулировал учительнице: «Не надо! Ничего не надо делать!». Немногочисленные голоса с парт стихли, заинтригованные заминкой; кое у кого на лице прорезалась улыбка: всегда приятно, когда кто-то перечит строгой *училке*, а та не может наказать смельчака.

– Нельзя вмешиваться! – прошипел Семён Анатольевич, оглядываясь на чиновников. Военный комиссар не спускал глаз со Славы, последнего парня в классе, не прошедшего

тестирование; Герман Соломонович отчаянно зевал. – Всё должно произойти само собой...

– Да-а бро-осьте вы!

(«Яйцеголовый зануда!»)

– проямлил чиновник, не прекращая зевать. – Эта просто-о-а-а... Ах, что это? Модели, да? Что может случиться?

– Это энергия, принявшая осязаемую форму по информации из ноосферы! Вы видели, они могут взаимодействовать с...

Дети Ромы резко подняли головы, демонстрируя свои осунувшиеся лица. Чиновник прекратил зевать, ученики за партами невольно поёжились, Олеся вскрикнула. Ещё не родившиеся мальчик с девочкой казались измученными и запуганными; лиловые круги и белёсый налёт на веках окаймляли красные глаза, выражавшие лишь тупость и безмолвие души.

Виктория Антоновна раскрыла рот от ужаса. Не такими она представляла своих внуков!

– Ну ты и... – прошептал военный комиссар и тут же осёкся. Дети вздрогнули и словно только сейчас увидели Рома. Рты проекций скривились как от вкуса чего-то кислого и мерзкого. Девочка всхлипнула и закрыла лицо ладонями. Рома поднял дрожащие руки, как если бы пытался успокоить нервное животное.

Но дети не звери, а родители не дрессировщики.

В лицо школьника врезался кулак собственного потомка. Рома рухнул на пол.

Окружающие с воплями отшатнулись от опрокинутого тела, а *проекция мальчика*, не теряя ни минуты, накинута на родителя и обрушилась на незащищённое лицо град ударов. Раздался крик боли. *Проекция девочки* будто очнулась от шока и, увидев, чем занят брат, последовала его примеру. Каждый удар сопровождался вскриком и горячими слезами, ослепляющими её точно гнев.

Класс будто парализовало. Чиновник попятился, военный вслепую потянулся за пистолетом, но у него на поясе не было кобуры. Учёный стоял у затрясшегося хрономодулятора и мотал головой, пытаясь прогнать наваждение, но безумная сцена всё так же стояла перед глазами. Виктория Антоновна поднялась с кресла и с вытянутыми руками сделала шаг к избиваемому сыну. Вместо слов из её горла вырывались сдавленные рыдания. Рома не сопротивлялся. Он даже не пытался защититься, разве что сам не подставлял лицо и тело под удары.

Мог ли он вообще себя защитить?

– Не надо! – учительница рухнула на колени. – Что вы?!..

Хруст. Тело на полу пронзительно захрипело, а затем голос захлебнулся в потоках крови, с бульканьем хлынувших изо рта. От следующего удара брызги разлетелись по сторонам, запачкав Викторию Антоновну.

Это было слишком. Безумие творившегося кошмара переполнило чашу самообладания, и женщина закричала. Закричала так, словно это было последнее, что она собиралась

сделать в жизни.

Вдруг хрономодулятор заискрился. Светодиоды полопались, по корпусу адской машины забегали кривые молнии. Девушки завизжали, некоторые парни тоже. Слава с Олесей резко попятнулись, взрослые кроме помешавшейся учительницы с криком отскочили от агрегата.

– Все назад! Сейчас взорвётся!

Не успела фраза закончиться, как действительно прогремел взрыв, и не один. Тут же раздался рёв вперемешку с матом. Но хрономодулятор тарахтел и искрился, будто ничего не случилось. Бросившиеся под парты школьники могли не заметить: прямо в карманах военного комиссара и помощника заместителя главы городской администрации взорвались телефоны.

Вдруг всё смолкло, лишь стоны раненых, осевших у стены рядом с дверью, пронзали пространство. Прошла ещё минута, прежде чем подростки робко выглянули из укрытий. Если бы Виктория Антоновна не распласталась рядом с сыном, бессмысленно хлопая глазами и беззвучно бормоча, то точно бы оценила тишину и безмолвие, что воцарились в классе истории. Пусть и ненадолго.

Слава вышел из укрытия и неуверенным шагом приблизился к телу друга; с другой стороны к нему подходил и Степан Анатольевич. Взгляд, бегавший от машины к мальчику и учительнице, выдавал множество мыслей, роившихся у «яйцеголового зануды» в мозгу.

– *«Мы всё делаем правильно! Я всё делаю правильно!»* – мрачно усмехнулся учёный, глядя Славе в лицо, и, кивнув на тела под ногами, добавил: – Оно и видно! Оно и видно...

Олеся не хотела выбираться из-под парты. Вместо этого она убрала телефон в сумку, обняла колени и заплакала. Разработчики ChildFace Forecast создали отличный цифровой продукт, но теперь девушке придётся загружать в программу фотографию какого-нибудь другого парня.

Ужасные коротыши

– Значит, уходишь из дома?!

Марта не ответила, лишь бросила на отца взгляд, в котором смешались жгучая ненависть, рвущиеся наружу слёзы и брезгливость. Твёрдо решив бежать, девушка решительно направилась к калитке.

– Ничего, сейчас я тебе мозги-то прочищу! – Шумно харкнув на пол, мужчина вскинул ружьё.

Как бы ни прошёл день – легко или тяжело – домой я всегда возвращаюсь чуть живой. Стоит лишь ступить на лестницу, как всё внутри сжимается, а в голове пульсирует: «Не останавливайся... не оборачивайся». Это глупо, но я чуть ли не кожей чувствую, как нечто за спиной ждёт, когда я оступлюсь.

Мы привыкаем к своим маскам, и мало кто готов от них отказаться. Невольная актриса закатила глаза и высунула язык в экстазе перевоплощения. Она больше не видит меня, зато демон в её теле видит всё чётко и ясно.

Демиург лишь хочет, чтобы его творения стали чуть более похожи на творца. Более светлыми и безмятежными, воздушными, счастливыми... Мёртвыми.

Однажды я гулял по кладбищу и упал на могилу дядюшки, споткнувшись о надгробие. Недвижимый, я лежал на промозглой земле до первых петухов, пока *он*, наконец, не отпустил меня.

Строительство линии электропередачи шло уже много лет. «Лес самоубийц» давно вырубил, но проклятая земля продолжала своё чёрное дело.

Маша очень не любила посторонних. Не для того она годами изводила жильцов, чтобы какой-то блогер заявился на семейный ужин без приглашения.

Смерть от наслаждения всё равно смерть. Андрей осознал это, когда суккуб принял своё истинное обличье.

Подарок

– Доброе утро, прянички! С вами, как всегда, Лена Карамель! Сегодня у нас в гостях заслуж...

Семён оборвал ведущую на полуслове: радиоприёмник полетел в стену. Шнур оказался достаточно длинным, чтобы вилка осталась в розетке, но в этом уже не было нужды: прибор с треском разлетелся на обломки.

– И тебе доброго утра, курица ты фаршированная!!! – Со стороны могло показаться, что Семён в свойственной ему манере отчитывает очередную шмакодявку за опоздание. Вот только занятия начнутся через два часа, и сам он не находился в школе, а навис над кучей мусора, в которую превратился рупор примитивной музыки, сенсационных разоблачений и кошмарных новостей. В трусах и майке. А в чём ещё полагается щеголять по съёмной *однушке*, сжирающей половину зарплаты, которую, к слову, опять задержали?

Впрочем, это уже неважно.

На улице балом правили холод и слякоть, поэтому мужчина втиснул ступни в носки и сапоги и набросил на плечи пальто, прежде чем отправиться к мосту. Ну, мост – это слишком громкое слово для сооружённой из подручных материалов переправы через ручей на пути к станции метро. Дорога ожидаемо противилась ходуку, снова и снова подкла-

дывая ему под ноги мутноватые листы скользкого льда.

Разумеется, Семён не был единственной жертвой последствий мокрых осадков и перепадов температур: каждые две-три секунды кто-нибудь в поле зрения совершал резкие выпады и выполнял неловкие па. Работники ремонтной мастерской, пекарни и минимаркета едва сдерживались от смеха, наблюдая за сумбурным представлением. А зря, они-то могли себе позволить улыбку, чего не скажешь о других. Тех, кто был всегда на виду и, можно сказать, сам стал неотъемлемой частью пейзажа. С раннего утра до позднего вечера, в любую погоду за мостом сидел мужчина. Сидел и молча молился – за здоровье и благосостояние любого, кто оставит что-нибудь в жестяной кружке в руках попрошайки. Сострадание проявляли в основном женщины, мужчины же, проходя мимо, как правило, прижимали свои саквояжи и сумки к телу. На всякий случай.

Подходивший к концу год стал годом рекордов, и кроме упомянутого стойка, у моста расположились ещё две профессиональные попрошайки. У одной из них, молодой и симпатичной, была манера при приближении потенциально-го благодетеля поднимать голову и заглядывать прохожему в глаза. Метод работал исправно.

Семён тоже поймал этот взгляд и остановился. «Коллеги» (конкуренты?)

встрепенулись. Заметив это, мужчина мрачно усмехнулся и вытащил из кармана пальто кошелёк. Перекладывая пару

стуроблѐвых купюр обратно в карман, Семѐн удостоверился, чтобы все заметили сей манѐвр.

– Раз, два, три! – Кошелѐк взметнулся над головой владельца и шлѐпнулся на оледеневший асфальт. Расстояние от него до любого из нетрудоустроенных психологов оказалось примерно одинаковым. Семѐн продолжил идти и даже не оглянулся узнать, началась ли грызня у него за спиной. Он не сомневался в этом.

Через две минуты учитель пил горячий кофе из пластикового стаканчика, стоя на берегу крошечного пруда.

Последнее кофе в жизни.

Сегодня детишки могут не бояться опоздать на урок.

Горький запах болезни и лекарств – вот что Семѐн ощутил очнувшись. Говорят, обоняние – это последнее чувство, покидающее человека в момент смерти. Тогда неудивительно, что оно же и вернулось первым. Вслед за запахом явились грязно-белый свет сверху и сбоку и шарканье шагов – то ли рядом, то ли вдалеке.

Больница.

«Не получилось».

Шаги прозвучали совсем рядом, и в поле зрения учителя (если его ещё не уволили, конечно) всплыла фигура медсестры в брючной («Какая жалость, что не в юбке!»)

форме и выдавшей виды одноразовой маске. На бейджике на груди чернело имя. Семён не рассмотрел фамилию и отчество. А имя... кажется, Марина.

– С возвращением, – бросила Марина безрадостно и черкнула что-то на прикрепленном к планшету листе. – Что же все без документов гробитесь?

Семён разглядывал остроносое лицо девушки и с тоской вспоминал о дюжине стареньких и не очень фильмов, отложенных для ознакомления на выходных и новогодних праздниках... которые, опять же, грозятся урезать.

– Продлевать будете? – Строгое лицо Марины выдернуло мужчину из задумчивости.

– Что?

– Поищите более уединённое место для «роскомнадзора» или попытаетесь жить дальше? В следующий раз могут уже и не откатать. – Марине не нужен был ответ, она лишь бросила семена в почву и ушла по своим делам. Пока пациенты на койках, медсёстры на ногах.

Лишившись единственного собеседника, Семён прикрыл глаза и отвернулся к стене. Его мысли походили на обрывки фильмов и вырезки из бесплатных газет, что он изредка брал в метро.

«Дилеры так жалобно зазывают и тянутся в твою сторону, что хочется дать им денег. Надеюсь, никто из чиновников не додумается это использовать».

Среди потока мыслей попадались и жизнеутверждающие:

в «отложке» своего часа ждали очень недурные фильмы; на праздниках можно будет выпить и не опасаться за запах... Впрочем, встать с койки сильнее всего мотивировали переживания иного рода.

Переживания, что преодолевать трудности тяжелее всего в одиночку.

«Есть ли на школьном пожарном щите топор?»

Всё-таки неплохо бы выйти на работу, в школу. Одному умирать скучно.

Дилетант

«А вдоль дороги мёртвые с косами стоят – и тишина!»

Реальность оказалась куда прозаичнее: не стояли, а сидели, прислонившись спинами к стенам покосившихся хат; не тишина, а завывания волков вдали. Но это только пока «вдали»: акулы суши чувят кровь за километры, и им надо что-то есть. Мише не привыкать, он часто имел с этим дело. Он сам приходил в какое-нибудь Богом забытое село, чьё население чуть менее чем полностью состояло из стариков, закалывал всех чем-нибудь острым и выволакивал трупы на улицу.

«Зачем? Хм-м.... А что, “могу” и “хочу” больше не считаются за причины?»

Странно лишь то, что Миша не помнил, заходил ли он сюда на огонёк раньше. М-да. Вроде ещё не старик, а склероз уже даёт о себе знать.

«Погано, зато можно пересматривать «Сватов», и каждый раз будет как первый! Ха-ха! Э-эх...»

Почёсывая затылок, Миша пытался вспомнить, заводила ли его нелёгкая в Моржово раньше. Однако воспоминания упорно не желали выползть на свет, а затылок уже кончился. Пришлось переключиться на шею, на спину...

Хрясь! – и отсечённые фаланги пальцев плюхнулись в лужу. Миша не вскрикнул от боли. Выпустив оружие из неис-

калеченной руки, скиталец рухнул на колени, чтобы, подобно освобождённому от него пальцам, навеки уснуть в деревенской грязи. Из спины незадачливого убийцы торчал тесак, запачканный не только его кровью.

– Придурок ты, вот ты кто. Бежать надо было, бежать! Эх, хоть бы один раздражитель с головой на плечах...

Прорыв

– Анжела, вы меня слушаете?

– Да, Михаил, я слушаю и записываю.

– Слава Богу! А то в кино показывают, что психолог только делает вид, что помогает, а на деле...

– ...надеется, что пациент поможет себе сам? – Анжела посмотрела на мужчину с укором. – К сожалению, это так не работает. Выговориться необходимо для снятия стресса, но проблема от этого никуда не денется. Её надо прорабатывать.

– Ох уж эти предрассудки, да? – Михаил с улыбкой повернул голову в сторону Анжелы. – Ладно, с чего начнём?

– Попробуем нащупать истоки вашей проблемы. Какие у вас в детстве были отношения с родителями?

– Ох... Не знаю даже. Отец... Он был со мной, но вот я как будто с ним не был.

– Хм-м.

– Типа, вот он звал меня на рыбалку или, не знаю, учил складывать бумажные самолетики, а мне не хотелось. Ничего не хотелось. И, кажется, даже его самого видеть не хотелось. Эх, могу себе представить, что он чувствовал...

– Хотите сказать, он никогда не был вашим кумиром? Вашим героем?

– Да, вроде того. Но ведь должен был, верно? Кто же ещё?

– Угу. А ваша мать?

– Мать...

– Она вас любила? Какие у вас с ней отношения?

– Любила, да. То есть, разве бывает иначе? Правда, когда родилась сестра, мне всё время казалось, что... что я больше не нужен. То есть, я знал, что маленькой внимание нужнее, что родители и без того разрываются на части... Я спрашивал у мамы, не жалеет ли она, что я родился. Не жалеет ли она, что завела семью. Она отвечала, что всё в порядке, что всё так, как она хотела, но... Я не знаю. Разве она могла сказать что-то другое?

– Вам кажется, что вас недостаточно любят таким, какой вы есть?

– Да, наверное.

– У вас есть проблемы с женщинами? Ну, с женщинами как с противоположным полом?

– Да какие женщины... Нет женщин – нет проблем, – Михаил нервно усмехнулся и потупил взор. – Сейчас очень страшно заводить отношения. Куда ни помотришь, всюду обмамы... обманывают, разводят. У-ух!

– Вам страшно *сейчас* или *вообще*?

– Вообще.

– Вы нас боитесь? – Анжела улыбнулась.

– Немного.

– Да почему же? Разве мы кусаемся?

– Вы... Я не могу дать то, чего вам хочется, – и шепотом

добавил: – Даже того, что вы заслуживаете.

– Та-а-ак!..

– Я не соответствую ожиданиям, понимаете? Что тогда, что сейчас. Все ждут от меня... чего-то! Хотят, чтобы я был *мужиком*! Чтобы я жил для Кого-то, горбатился ради Кого-то и сдох ради Чего-то. Но я не хочу вот так. Я... я не знаю, чего я хочу. Сейчас я чувствую себя пустой оболочкой. Слово меня, считай, и нет уже. Стреляная гильза.

– Хорошее сравнение, – ухмыльнулась Анжела, косясь на часы.

– Да уж...

– Сегодня вы совершили прорыв, – Анжела спешно захлопнула тетрадь и встала, – но, боюсь, ваше время подошло к концу, – и отключила систему жизнеобеспечения.

Похороны моего сердца

«Цирк приехал!»

Надпись на табличке полностью соответствовала действительности, ибо разноцветные буквы сияли над входом в самый настоящий цирк-шапито. Шатёр, словно небезызвестные Три Толстяка, каким-то немислимым образом ставших единым целым, поглощал посетителей одного за другим, горсть за горстью, поток за потоком...

Из-за кулис высунулась рыжая кудрявая голова. Подведённые тушью глаза методично просканировали трибуны, переходя от ряда к ряду и выискивая кого-то, но не находя. Нечасто увидишь рыжего клоуна в печали, но то во время представления, а оно ещё не началось. В жизни Андрей ничем не отличался от других людей. Радость и отчаяние предсказуемо чередовались между собой, и удивительно, как быстро и незаметно одно могло перейти в другое.

Вот как сейчас.

«Ну, где же она? Где же она?! Ох, а вдруг она не придёт?!»

До начала представления ещё полчаса. Нет причин для волнения.

«Она всегда приходит заранее, чтобы мы могли увидеться до шоу. Сейчас её нет! Вдруг что-то случилось!»

– Эй, эй! – Сабина, маленькая тоненькая эквилибристка,

отвела Андрея вглубь закулисья, подальше от любопытных глаз детей и взрослых. – Не грусти! Она обязательно появится.

Клоун промолчал. Что бы он ни ответил, у Сабины всегда найдётся аргумент, почему он ошибается.

– Вот увидишь, она обязательно придёт на шоу, – Сабина улыбнулась, зная, сколь заразительной бывает её улыбка. Андрей поддался, но на душе по-прежнему скребли кошки.

Артисты ушли, освободив место для униформистов. Тем предстояло сделать ещё много работы до начала представления.

Мучительно долгие полчаса.

И вот, зрители заняли свои места. Шпрехшталмейстер, выйдя на манеж объявить о начале шоу, увидел, что трибуны набиты под завязку. К хорошему быстро привыкаешь, и лишь горький опыт выступлений в полупустом шатре не позволяет артисту воспринимать успех как должное. Значит, всё снова должно быть на высоте.

Музыка гремела, дети визжали, взрослые аплодировали. Ведущий объявлял номера. Первым в круг вышел дрессировщик Борис с любимицей всей труппы – шимпанзе Люсей. Маленькие мальчики и девочки были в восторге. Следующей вышла Сабина. Теперь в восторг пришли большие мальчики, хотя и скрывали это от своих больших девочек, следящих больше за реакцией спутников, чем за самим представлением. Сабина умела улыбаться, с этим никто бы не поспорил.

– Возможно, это стоит выделить в отдельный номер, – усмехнулся Николай, белый клоун и напарник Андрея. Андрей не отреагировал на шутку, его занимали совсем другие, печальные мысли. Остальные замечали, что с ним явно что-то не так, но не решались заговорить об этом. Только не сейчас. В конце концов, клоун – это артист, и он будет улыбаться на сцене, даже будучи в трауре.

– Знаете ли вы, как у нас проходит лето? – донеслось из круга. Так шпрыхсталмейстер подводил к номеру «Клоуны на отдыхе». До выхода Андрея с Николаем оставалось секунд пятнадцать, не больше.

– Идёмте, Бозо, – Николай провёл ладонью поверх лица сверху вниз и превратился в печального страдальца а-ля Пьеро. После непродолжительной паузы Андрей сделал то же самое, только наоборот. Теперь на разукрашенном лице клоуна сияла простодушная улыбка.

Всё, можно выходить.

– Поприветствуем же этот замечательный дуэт! Друзья, встречайте: Рюша и Коша!

Ведущий освободил место для «принцев цирка», что уже выдвинулись к зрителям. Коша в исполнении Николая шёл с понурой головой и карикатурно сгорбленной спиной – аж плечи выше головы, а Андрей «Рюша» шагал так, словно намеревался своим видом покорить Вселенную... ну, или собирался произнести пламенную речь в защиту австралийских тушканчиков от жестоких поползновений со стороны

марсианских телепузиков. Воспользовавшись привилегией импровизировать, Андрей с комично-удивлённым выражением лица оглядел зрителей в надежде всё-таки увидеть среди них свою «принцессу».

Но тщетно.

По щеке весело улыбающегося клоуна стекла одинокая слеза.

Подключённая к системе жизнеобеспечения Ольга глядела в стену, изредка моргая. Видела ли она Андрея, примчавшегося в больницу в гриме и костюме, лишь узнав о случившемся? Слышала ли она его? Узнавала ли? Врачи не были уверены. Андрей тоже.

Но что ему оставалось?

– Оленька... Оленька, ты слышишь?

Молчание.

– Оленька, ты такой замечательный момент пропустила, – Андрей встал у стены перед возлюбленной и изо всех сил старался не сорваться на всхлипы. – Семья с собой «солнечного» мальчика взяла. Он громкой музыки очень боялся, плакал. К нему наш попугайчик на плечико сел. Они друг на друга посмотрели, попугайчик улетел, мальчик засмеялся, захлопал в ладоши – и больше не боялся, не плакал! Ты представляешь?

Молчание. Андрей всматривался в Ольгино лицо, искал

признаки хоть какой-то реакции, но это было нелегко. Глаза щипало, приходилось часто моргать. Так и не заметив ничего: ни движения губ, ни кивка головой, ни какого-то особого вращения глазных яблок – клоун сглотнул, вытащил из кармана несколько резиновых мячиков и стал жонглировать. Андрей улыбался Ольге, словно ребёнку в первом ряду.

В палату, не зная о визите, вошёл врач. Его глазам предстало то, чего он никак не ожидал увидеть в больнице: безумно улыбающийся клоун со слезящимися глазами жонглировал перед коматозницей. Первым порывом медика было развернуться и с криком выбежать из палаты.

Но нельзя.

– Молодой человек! Молодой человек! – придя в себя, врач вцепился клоуну в рукав и потянул в сторону двери. – Пожалуйста, покиньте палату! Прошу вас!

– О нет, шоу ещё не закончено! – завопил Андрей, в ужасе наблюдая, как его резиновые мячики посыпались на пол.

– Она в тяжёлом состоянии, ей нужен покой! Прошу вас, уходите!

– Нет, нет! Ещё слишком рано!

– Пожалуйста!

– Пожалуйста...

Полуденное солнце заливало светом как щедрую на растительность землю, так и могучий зелёный дуб с воробьём,

одинокое суетившимся в его кроне. Перелетая с ветки на ветку, серо-коричневая птица с интересом ничего не понимающего ребёнка наблюдала за церемонией, забавно чирикавая. Мир по ту сторону забора шумел в соответствии со своим нехитрым устройством: автомобили рычали моторами и с визгом стирали шины о дорожное покрытие, собаки лаяли, мухи жужжали. Люди снаружи смеялись и радовались лету.

А люди внутри...

Вспотевшие от трудов и жары могильщики опускали гроб в свежерытую могилу. Священник пел Трисвятое. Перед последним приютом со свечами и цветами в руках стояли Андрей, Николай и Сабина. Со стороны Ольги никто не пришёл. Она уже похоронила своих родителей.

– Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней, – священник взял горсть земли и посыпал ею гроб, изображая на крышке крест.

Андрей подошёл к могиле. Когда он нагнулся за землёй, из кармана брюк выпал мячик для жонглирования. Выпал и приземлился между гробом и земляной стенкой. Андрей не обратил на это внимания. Возможно, он даже не заметил случившегося, не видя ничего, кроме крышки гроба, скрывавшей лицо и глаза, в которых он был бы счастлив тонуть.

Следом подошли Сабина с Николаем. Девушка старалась не смотреть на гроб и спешно сыграла свою короткую, но тяжёлую роль. Николай заметил мячик, оброненный другом, и бросил свою горсть так, чтобы скрыть жёлто-красную рези-

ну от посторонних глаз. Сразу после этого могильщики взялись за лопаты, и через несколько скорбных минут гроб полностью скрылся под землёй. На образовавшийся холмик водрузили деревянный крест, туда же сложили цветы: белые и жёлтые розы.

Священник и могильщики молча оставили троих.

Николай поглядывал на часы, ему ещё нужно было успеть на день рождения дочери. Однако уйти сразу было бы невежливо по отношению к остальным.

– Я знаю, тебе сейчас очень тяжело, – Сабина подошла к застывшему перед крестом Андрею и мягко развернула его к себе. Его глаза влажно блестели. – Но впереди ещё целая жизнь. Боль пройдёт, вот увидишь.

Андрей ничего не ответил. Не потому, что был согласен, или потому что у Сабины нашёлся бы аргумент в подтверждение своих слов. Просто всё вокруг больше ничего для него не значило. Сабина говорила что-то ещё, плавно жестикулируя, но её слова слились в один беспрестанный гул, стелившийся подобно тишине в вакууме. Лицо девушки тоже расплылось, превратившись в бесформенную кляксу.

А полуденное солнце всё так же посылало свои бесцветные лучи безразличному миру.

Они ползут

Начался отопительный сезон. Виктор понимал, что причиной похоложения на мышинный писк звука являлась бегущая по батареям вода, но никак не грызуны, которых он мог случайно привезти из села в чемодане. Боже, храни этот дом от такого «счастья»! Будто всякой летающей и жужжащей братии мало! Летнего солнца и тепла, может быть, мало, а вот ос, мух и комаров – более чем достаточно.

«За это я и люблю осень: холод усыпляет эту вездесущую погань – жаль, что не убивает насовсем! – и дарит мне немного покоя...»

Что-то мягко ударило об окно. Первый раз, второй, третий...

«Что за... Ох, сонная муха! Зараза! Ещё вялая, но уже достаточно резвая, чтобы уворачиваться от ударов! Хм, была не была...»

Хлопок. Ещё один. Третий. С четвёртого раза свёрнутая в трубку бумага настигла назойливое насекомое на подоконнике и вышибла из неё дух.

«Вот так-то! Человек сильнее!»

Виктор приоткрыл окно и отправил чёрненький трупик на улицу. За окном гудела серая трансформаторная будка, вдали завывали моторы автомобилей. Ветер безостановочно

свистел, словно зазывая безденежье. Секундное вторжение шумов извне прекратилось, но тише в комнате как будто не стало. На кухне басил холодильник, за стеной с не ахти какой звукоизоляцией тикали механические часы. Вода в трубах по-прежнему не унималась.

И стены... Под ними словно кто-то копошился. Или это лишь облезали древние как сам дом обои?

Что-то коснулось ступни Виктора, и он брезгливо одёрнул ногу. На пол неспешно спланировал комочек пыли...

– Доктор, как он?

Старичок с аккуратной бородкой поправил очки на носу и заглянул в палату. Виктор сидел в углу и напряжённо следил за стенами. Из рта то и дело вырывался нервный вздох.

– Пока не очень, – покачал головой пожилой психиатр, но тут же заверил посетительницу: – Работаем, голубушка, работаем...

«Они ползут по стенам... Они ползут к моим ногам... Они ползут по моим пальцам!»

Новое прочтение

Когда было не с кем пообщаться, Костя разговаривал сам с собой. Даже не так – он посылал Вселенной запросы, а она отвечала ему через него же. Или через музыку, льющуюся из динамиков мобильного.

«Как долго я скрывал желания – а-а-а-а, а-а-а-а –
глубоко внутри»

– в который раз пела сеньорита Бовиа. И хотя в плейлисте были вещи куда более печальные, очень немногие из них влияли на Костю так же удручающе, как «Вне реальности». В ней было много того, чего парень мог бы и сам сказать («Я слишком слаб для своих страхов – а-а-а-а, а-а-а-а – И убегаю от всего»), но не вслух.

– Зачем напоминать-то? – прошипел Костя и зашёлся хриплым кашлем.

«Болезненные воспоминания вновь преследуют меня,
И я сдаюсь».

– Да пошла ты!

То, что пела Марсела – это далеко не всё, что Костя слышал. Гораздо интереснее становилось, когда не слишком-то различающий чужой язык мозг

(«Нам нельзя скрывать...»)

ставил на место непонятных фраз на английском и испанском.

«Храбр не тот, кто принял свою судьбу,

Но тот, кто отвертелся и решился спастись бегством!»

Костя в последний раз оглядел опустевшую квартиру с разбросанными повсюду банковскими предписаниями. Домашний кот тихо сидел в углу, совершенно не беспокоясь о том, чем будет питаться ближайшие несколько дней.

В конце концов, он ясно видел, как хозяин затянул на шее петлю.

«Я дам ответы на все вопросы, что ты задал...»

ХТОНЬ И ВОНЬ

Сладочка

От савана исходил запах влажной кладбищенской земли. Алёна брыкалась изо всех сил, но, будучи крепко связанной, не могла долго сопротивляться. Омерзительные пальцы полуистлевшего трупа достигли своей цели, и нечто кисло-сладкое провалилось в горло несчастной, тая и разваливаясь по пути внутрь. Из глаз девушки хлынули слёзы бессилия: костлявая рука поднесла к её рту следующий тёмно-коричневый сгусток.

– Пожалуйста... – всхлипнула пленница, бессмысленно вертя головой.

Вне зоны видимости шумно распахнулась дверь. В воздухе повисла тишина.

– Вишенка, а что это ты делаешь?

К мертвецу и Алёне приблизилась рыжеволосая красавица в вечернем платье. Горящие глаза и тонкие белые клыки придавали её облику толику inferнальной элегантности.

– Готовлю тебе десерт, – прошелестела нежить, кивая на стол. Там лежала распотрошённая коробочка из-под клубники

в шоколаде. – Ты не можешь пить ликёр, и я подумала, что...
– Прошу вас, помогите мне! – взмолилась было Алёна, но ей помешала очередная конфета.

Неотвратимость

– Мил-ли... мил-ли...

Шарканье стихло. Милана с ужасом увидела тень в про свете между полом и дверью кабинки.

«Это он! Это снова он!»

– Мил-ли... Мил-ле... – грязный монстр отвратительно рыгнул, и его пальцы мерзко заскребли в дверь.

Милана вжалась в стену и вцепилась в полупустую бутылку. Тошнотворный запах терзал ноздри.

Некуда бежать. Негде спрятаться.

Желудок Миланы не выдержал, и несчастную вырвало в унитаз.

– Миледи! Сударыня! – жалобно позвал бомж Валера. – Прошу, дайте мне допить! Вам уже хватит!

Мастер пыток

– Ничего не скажу! – Борис выплюнул обломки зубов.

Палач оскалился и позвал: – Ултарчик! Кис-кис!

Из-за угла высунулась наглая кошачья морда. В руке палач сжимал лазерную указку. Щелчок – и на трусах Бориса вспыхнула красная точка.

– Мама...

– Мя-яу-у!

Черепашья сила

– Держи его, Раф!

Мэтт вжался в стену, пропуская канализационного аллигатора. Ящер исчез за поворотом, а Мэтт услышал плеск шагов. Запахло протухшей пиццей.

Четыре черепахи-мутанта. Вооружённые и сексуально возбуждённые.

– Тоже неплохо. Хватай его, Раф!

Казнь

Перед эшафотом собрались все. Вместо музыки на нервы давил тяжёлый стук в дверь туалетной кабинки вперемешку с мольбами бомжа Валеры. Милана доблестно держала оборону.

Вишенка мрачно жевала ещё не остывшие кусочки Алёны и поглядывала на подругу-вампиришу. Та плакала кровью. Плакала – и слизывала собственные слёзы: клубничный ликёр оказался очень вкусным. Черепашки-ниндзя стояли поодаль. Они очень переживали о случившемся, но Раф переживал сильнее других. Он не смог ни удержать аллигатора, ни поймать Мэтта!

«Да кто, чёрт побери, этот ваш Мэтт?!»

Палач бил изо всех сил, но голова не желала отделяться от шеи. Вместо нормального топора король вручил ему кусок арматуры. Где это видано – рубить головы заведомо тупым предметом?! К счастью, почтенный профессионал из тех, кто ставит цель превыше средств, и решение нашлось очень быстро.

– Ултарчик! – Палач снял с бедра лазерную указку.

– Мяу?

Где-то вдалеке застонал бомж Валера. Милана не выдержала, и джентльмен всё-таки получил бутылку. Правда, немного не так, как ему хотелось. И не туда, куда хотелось.

Как в телевизоре

Поток абсурда, который некий сценарист счёл достойным диалога, вытеснил жужжание телефона, поставленного на беззвучный режим. А вот с писком микроволновки такое не сработало – очень уж Майкл рассчитывал на кусок пиццы с ананасами, оставшийся с обеда.

Вскочив с дивана, Майкл зашагал на кухню. Стоило отворить дверцу прибора и выпустить запах горячего теста наружу, как желудок, доселе спокойный, сжался и будто бы заскулил, торопя своего носителя вернуться к телевизору и дать челюстям выполнить свою целевую функцию. Парень не имел причин задерживаться или протестовать. Да и поток сознания сценариста уже принял иную форму, судя по звуку. Даже *экшн* какой-то начался: что-то с грохотом и звоном разбилось.

Излишне реалистично разбилось.

«Так, стоп...»

Спешно, но с тарелкой в руке (зря, что ли, ходил?) Майкл вернулся в гостиную. Как он и опасался в душе, пузатый телевизор лежал на полу экраном вниз, а вокруг него валялись осколки стекла и пластмассы. Лицо Максима скривилось, словно тот закусил лимонной долькой, а мозг, похоже, не был готов анализировать произошедшее и выдал лишь

спокойное: «Надо взять пиво из холодильника».

Туловище уже отреагировало на правильную, в общем-то, мысль – ужин ведь надо чем-то запивать – но не тут-то было. Совсем рядом раздался новый звон, и нечто большое и темное ввалилось внутрь разбитого окна. Вздвогнув, Максим едва не выронил тарелку. Шторы скрывали интервента, но не полностью: ткань уже приобретала очертания высокого и массивного существа. До ушей донеслось напряжённое сопение. Владелец квартиры буксовал, дурная голова гнала к прищельцу. И *оно* двинулось навстречу. Лапы ступили на нижний край штор, натягивая их, но движение не прекратилось; материя с мерзким треском расползлась под когтями и весом существа, и на глаза Майклу показалась покрытая черно-белой шерстью лапа.

Взвизгнув, Майкл швырнул тарелку в животное и бросился к двери. Тварь не торопилась пускаться в погоню, и парень без затруднений выбрался на улицу.

«Хана ужину!»

Улица встретила напуганного домоседа перевёрнутым мусорным баком, в содержимом которого копошились еноты – и не только. У соседнего дома дымился разбитый автомобиль. Пучеглазая зебра щипала газон.

– Что случилось с этим проклятым пригородом? – Майкл неосторожно шагнул, не посмотрев под ноги, и едва не покатился со ступеней кубарем. У порога сидел детёныш панды и, повторяя за одним из пирующих енотов, вдумчиво тряс

чью-то оторванную ногу вверх-вниз.

Из покинутого дома раздался рёв, и пятнистый медвежонок ответил на него. «Мама сейчас придёт». Вспотевший и побелевший Майкл, не горящий желанием оказаться между двух огней, не стал дожидаться воссоединения и покинул двор.

«Где же, блин, все? Неужели я остался совсем один?»

Ответ не заставил себя ждать. Противно визжа шинами, из-за угла выскочил розовый кабриолет с двумя неформалами... наверное.

– Не останавливайся, Артемон, гони вперёд! – обтянутая латексом пассажирка отличалась синими волосами и противным скрипучим голосом, а голый водитель в маске и с кляпом, похожим на красный клоунский нос – молчаливостью и чуткостью к приказам. Заметив Майкла, яркая леди уделила случайному зрителю толику своего внимания и показала средний палец. Даже два. Затем машина выехала за границы автодороги и затерялась между постройками.

«Не сожрут, так избыют ржавыми трубами или чем похуже. Неужели нормальных людей не осталось?»

Естественная манера обращения

– С добрым утром, землянин-студент.

На космической станции нет утра как такового, но привычное «с добрым утром» звучит всё же лучше, чем какое-нибудь «обозначаю начало очередного цикла функционирования». Александр открыл глаза и приподнялся на локте. В дверях застыл серокожий антилец, назначенный научным руководителем студента. Голова на длинной, прикрытой высоким воротником шее казалась крошечной на фоне всего остального тела, облачённого в нечто вроде халата или платья.

– Доброе утро, Мазеус..., то есть, антилец-куратор.

– Можете не утруждать себя, Александр, – инопланетянин поднял левую руку, подражая человеческой жестикуляции. – Мне известно, что для вас такая манера обращения не является естественной. Сложно отказаться от привычек, особенно если в этом нет необходимости.

– Да. Моё исследование...

– Как продвигается ваше исследование? – перебил антилец, глядя не столько на землянина, сколько на силуэт, отпечатавшийся в простыне.

– Идёт своим чередом, – студент старался говорить спокойно, даже небрежно, но сроки, на самом деле, поджима-

ли, – всё в порядке.

– Сообщите, если потребуется моё участие, – куратор развернулся и уже собрался покинуть каюту, как землянин вскочил с постели. Антилец обернулся.

– Мазеус, я всё хотел спросить. Вчера ваши... эм... представители вашей расы вели себя странно: нервничали, поглядывали на нас – даже не знаю – с жалостью, говорили с нами как-то отстранённо. Может быть...

– Вам показалось, – прервал его Мазеус. – Представители антильской расы вели себя как раз обыкновенно, а вот представители земной расы – нет. Вчера земляне массово употребляли токсины по случаю годовщины некой памятной даты и вели себя шумно и не вполне адекватно, – и вышел.

Студент улыбнулся. Инопланетянин не врал: вчера праздновали День космонавтики. Особенно усердствовали, само собой, русские. Александр был и сам не прочь по такому поводу выпить рюмочку-другую, но профессор Клетчатов, стараниями которого студент сейчас находился на станции «Синтоку» и писал научную работу о влиянии антильских технологий на человечество, предупредил, что напиваться при степенных и осторожных инопланетянах – последнее дело. Так что бунтарский дух бунтарским духом, а образцовое поведение на межрасовой космической станции откроет неплохие карьерные перспективы перед будущим дипломатом.

Наспех одевшись, Александр вышел в коридор и напра-

вился к рекреационному сектору, в котором расположена смешанная столовая. Как выяснилось, пища одной расы вполне пригодна к употреблению другой. Вкусовые качества антильских продуктов также сопоставимы с человеческими. Во всяком случае, для людей; антильцы редко распространяются людям о своих впечатлениях и обо всём, что с ними связано.

За бесхитростным человеческим завтраком: хлеб, масло, яйца, апельсиновый сок и шоколадный батончик – студент размышлял об информации, которую удалось собрать.

«Интересно получается, – думал Александр, неторопливо жуя бутерброд. – У «головастиков» есть что-то вроде внешне-неторгового концерна, «Синай»; его продукция идёт исключительно на экспорт, на Землю. Ни один антилец, ни одна из их компаний продукцией с маркировкой «Синая» не пользуется, чуть ли не открыто избегают. И никто не знает, почему. Ладно, если бы всё ограничилось только биоимплантами...»

Александр машинально коснулся груди: вот уже многие годы под рёбрами работал кардиостимулятор антильского производства.

«... и системами жизнеобеспечения, организмы всё-таки различаются, но нет...»

От размышлений Александра отвлёк одинокий астероид в иллюминаторе. Угрозы он не представлял, так как летел мимо станции. Скорее всего, их было больше, но система активной защиты – комплекс лазерных орудий класса «А» –

работал тихо и незаметно, хоть сквозь пояс астероидов лети: уничтожит и астероиды, и их осколки, а никто и не заметит. Земная разработка, кстати. Что-что, а с оружием у человечества всё всегда было в порядке.

«... но нет, – продолжал студент, принимаясь за батончик, – эта шиза касается и сверхзвуковых двигателей, и систем навигации, и коммуникационных систем, и даже треклятых онлайн-переводчиков – вообще всего! Почему так?»

Без ста грамм не разобраться. Но поскольку сто грамм в межпланетной дипломатии непозволительная роскошь, Александру пришлось связаться с одним знакомым технарём, Сергеем Селивановым. Его репутация уже пострадала из-за ксенофобских взглядов: опасно открыто выражать недоверие к «серокожим головастикам», в то время как чуть ли не всё остальное человечество кланяется им в ноги – но тот без колебаний согласился помочь.

По пути в свою каюту Александр с интересом рассматривал антильцев, словно видел их в первый раз. «Как они носят свои увесистые головы на таких тонких шеях? Почему они все носят платья? Точно ли посол Мазеус *он*, а не *она*? Почему они живут бок о бок с нами на одной станции, но ведут себя так, словно мы звери в зоопарке, а они – японские туристы?» – эти и многие другие вопросы вспыхивали в голове будущего дипломата, пока он проходил процедуру аутентификации и проверял свой цифровой почтовый ящик.

Пусто.

На этом можно было и остановиться, но Селиванов настаивал на том, чтобы Александр взял с собой в космос коммуникатор, собственноручно собранный Сергеем без единого «синайского» компонента. Если Селиванов что-то и нашёл, то он из принципа пришлёт информацию именно на «авторское» устройство. В самом деле, пока Александр спал, на устройство пришёл видеофайл.

На экране появился неопрятный мужчина с проплешиной.

«Так, запись пошла... Надеюсь, ты получишь это сообщение до того, как станет слишком поздно. Скажу прямо: всё очень плохо. Мои худшие опасения оправдались...»

Где-то за кадром раздался шум, словно от падения металлической трубы; Селиванов вздрогнул и со страхом покосился на дверь.

«Постараюсь объяснить на пальцах. Я разобрал десятки образцов «синайской» техники от микросхем для инкубаторов до сверхсветового двигателя. Даже не спрашивай, как мне удалось всё это достать... Короче, у всего, что антильцы выбрасывают на наш рынок, есть один маленький нюанс».

Учёный поднёс к камере зажатую между пальцами деталь.
«Эта крошечная капсула, а это – ещё более крошечный приёмник. Так вот, приёмник настроен на определённую частоту. Если сигнал другой частоты или сигнала нет вообще, то всё нормально. Но смотри, что произошло, когда я подобрал *ту самую!*»

Вместо Сергея на экране возникла покрытая асбестом платформа с В-6000/7, новой моделью сенсорного датчика, собираемого на Земле – там, где раньше была пустыня Гоби, – но из компонентов, производимых «Синаем». Селиванов направил портативный излучатель на прибор. Ничего не произошло.

«Вот сейчас, смотри!» – Сергей ввёл в излучатель новые характеристики.

Раздался треск, и внутри корпуса прибора что-то взорвалось; пластмассовая оболочка треснула, и из трещины повалил дым. Селиванов незамедлительно залил теперь уже сломанный прибор пеной из карманного огнетушителя.

«А теперь представь, что это произошло с двигателем и системами жизнеобеспечения космического корабля посреди космоса...»

– Вот чёрт... – прошептал Александр, только сейчас осознав масштаб надвигающейся катастрофы. – Это же полный п... – и осёкся.

«Ко мне не прислушаются, – продолжал Селиванов. – Есть шанс, что нашими совместными усилиями удастся чего-то достичь. Когда ты вернёшься...». Александр выключил коммуникатор – не хватало ещё, чтобы кто-то из антильцев узнал, что их заговор раскрыли.

Что же делать теперь? Сделать вид, что ничего не происходит? Или как можно скорее вернуться на Землю, чтобы...

Чтобы что?

Александр высунул голову в коридор. Никого поблизости не было, и *вроде бы* никто в спешке не отбежал от двери. Но что, если за ним действительно следят? Есть ли хотя бы шанс перехитрить инопланетное ЦРУ или ФСБ?

Вопрос риторический. Но в таком случае, выбора нет в принципе.

Упаковав приёмник и вещи первой необходимости в рюкзак, студент, стараясь не светиться на камерах видеонаблюдения, прокрался к лифту. С его помощью можно добраться до спасательного шаттла, чтобы...

Чтобы что?

«Надо устроить диверсию, – подумал Александр уже в спускающейся к ангарах кабине лифта, – тогда начнётся эвакуация, и я со всеми отправлюсь на Землю, а там...»

Двери шахты отворились, но Александр не сдвинулся с места.

– Добрый день, землянин-студент. – выход из шахты перекрыли Мазеус и три антильца-офицера службы безопасности. В руках посол держал прибор, похожий на пульт от допотопного кондиционера. – Полагаю, ваша работа продвинулась дальше, чем вы предполагали изначально.

– А мне казалось, мы друзья! – простонал Александр, чувствуя, как от страха подкашиваются ноги.

– Вам показалось, – сухо ответил Мазеус и...

«Кардиостимулятор!»

... и нажал на кнопку «пульта».

В плену

Марго даже не пыталась сдержать всхлипы: всё равно никто не услышит. В дырки, через которые в ящик поступал кислород, разглядеть можно было совсем немного. Бочки, сундуки. Клетки. Ящики – такие же, как и её. Сидел ли в них кто-то, сказать было трудно. Вид оборванных и измученных близких, возможно, терзал бы сердце Марго, словно стервятник – безвременно погибшего на поле боя, но осознание, что больше никто не пережил нападения каперов, тяжелее во сто крат.

Сметь ли надеяться, что и остальные чудом спаслись от головорезов на службе у Английской Короны? Марго не знала, как всё произошло: она потеряла сознание сразу, как началась абордажная схватка. Теперь корабль должны отбуксировать в порт, а команду и пассажиров оставить в живых, но... Максимум, чем захватчики рискуют, избавившись от оказавших сопротивление купцов – это приз, а факт нарушения правил ещё надо доказать.

Никогда ещё слово «импровизация» не казалось таким зловещим, как сейчас.

Вдруг закрипели ступени: кто-то спускался в трюм...

Один день из жизни рок-звезды

«Надо вставать.

А может, не надо? Может, будет лучше, если я не приду или хотя бы опоздаю? Скажу ребятам, что хотел сыграть на нервах публики. Мол, пусть поволнуются, побеспокоятся, не случилось ли со мной чего. Потяну время, а там, может, выяснится, что концерт перенесли или, того лучше, отменили. Вдруг кто-нибудь ночью спалил аппаратуру, или Родни нажрался в хлам и не в состоянии не то что играть, но даже стоять на сцене... У-ух, кто там в такую рань на телефоне?.. Неужели для того, чтобы расставлять усилители и декорации, необходимо моё присутствие?!

Ладно, чёрт с вами со всеми. Одеваюсь...

Додумается ли кто-нибудь захватить воду со льдом? Оказывается, это, блин, так сложно – предусмотреть, что не только пальцы гитаристов и бицепсы *барабашки* могут устать, но и моё горло тоже! Вот, зараза, даже надеяться на этих дебилов не буду, сам возьму... Так, надо заехать за Миком.

– Ты, похоже, никогда не прекращаешь жать на клавиши, Мик... О-хо-хо, да не бойся поворачиваться ко мне спиной! Особенно на сцене. ТАК чудить может себе позволить только старик Тилль, хе-хе-хе!..

Эх, зря водитель не взял машину с тонированными стёк-

лами. Где мои солнцезащитные очки? От всех этих вспышек я ослепну за пять секунд! Почему пресса не фотографирует на телефоны, как это делают все нормальные люди? А затычки для ушей я взял? Слава Богу! А то рискую оглохнуть от визга. Эй, девочки, вы чего так рано пришли? Шоу только вечером. Купили билеты в фан-зоне и хотите автограф заранее? Ладно, работаем... бла-бла-бла, бла-бла-бла...

Хм. Это что у неё под курткой, пистолет?»

Цветомузыка

– Мерзавцы! Трусы!

Мерзко хихикающие лица разлетелись в стороны. Столб света у лестницы сузился, а затем пропал вовсе: люк закрыли с характерным скрежетом.

Не сразу, но довольно скоро глаза привыкли к слабым серебристым отблескам в чёрной воде коллектора. Мэтту повезло, что его не опустили прямо в воду, иначе он бы мгновенно захлебнулся. Так он рискует лишь несвоевременно распрощаться со своим обедом: вонь кругом стояла неопи-суемая.

Казалось, от воды исходил пар, насыщенный частичками то ли свинца, то ли ещё какого-то металла. «Вот только крыс-мутантов не хватало» – Мэтт извивался и натягивал сковав-шие его шнуры, и это работало. «Им стоило лучше завязы-вать узлы. Когда я выберусь отсюда, они пожалеют!»

Поднявшись на ноги, Мэтт отметил ритмичную игру све-та и тени на стене, вызвавшую ассоциации со светомузыкой ночного клуба. Только вместо неоновых огней киберпанка кругом господствовал нуар, а если и танцевали, то не «под кислотой», а под дешёвым виски, смешанным с пепси-ко-лой. И хотя стук воды и того, что она несла в себе, о тру-бы никак не походил на биты разнузданного веселья для де-

виц в коротких юбках и парней с топорщащимися штанами, Мэтт невольно задался вопросом: сколько непереваренных коктейлей, мочи и пустых сожалений еженощно поставляет любой задрипанный клубешник в эту обитель смрада. Прийти к какому-нибудь выводу, карабкаясь по холодным скользким перекладинам к люку, оказалось невозможно, и вопрос, что называется, повис в воздухе.

«Будет о чём спросить Кори и его подхалимов, когда буду макать их тупые бошки в унитаз».

(«Где пустые сожаления, Лебовски?! – Не знаю, не видно. Давай ещё раз!»)

– Чёрт!

Люк оказался слишком тяжёлым, и приподнять его одной рукой, а уж тем более головой было невозможно. Похоже, придётся спуститься вниз и блуждать по тоннелям в поисках какого-нибудь выхода...

Внизу раздался смачный всплеск. Ещё секунда, и вот – чьи-то лапы спешно загребали мерзкую воду. Мэтт оглянулся и увидел широкую, покрытую пластинами спину прямо под собой.

– Ах ты ж ... А-а-а! – вскрикнул Мэтт, ощутив, что его руки вот-вот соскользнут со склизких перекладин.

Выход?

Раньше Света просыпалась с восходом солнца: его лучи проникали под веки если не напрямую, то отражаясь от зеркала. Когда же от бескрайнего розового неба остался лишь крошечный просвет между новостройками, солнце заменил Майкл Джексон. Его «Billie Jean» куда лучше подходила для воскресного пробуждения, чем песня из репертуара Cannibal Corpse, которую Кирилл шутки ради поставил дочери на будильник.

«Очень смешно, папа. Просто сил нет, очень смешно...»

– Важно тренировать сердце, соня, – авторитетно вещал Кирилл, пока подросток затягивал шнурки на кроссовках. – Когда сталкиваешься с неприятностями лицом к лицу, именно выносливость определяет, как долго ты сможешь бороться.

– Я не Соня, я Света, – пробурчала Света.

– Прости, перепутал тебя с мамой, – подыграл родитель, отворачиваясь в сторону. Что-то попало в глаз. В последний раз Света надевала спортивный костюм три года назад, и пыли на штанах с полосками скопилось немало. Кирилл же бежит с тех самых пор, как уже упомянутая Соня покинула этот бранный мир.

Через пять минут отец и дочь вышли из подъезда и под

наблюдением пенсионерки Людмилы Петровны направились в сторону леса. Свете захотелось расспросить бабу Люду (так пенсионерку называли за глаза; самой старушке это не нравилось) о футбольном поле, к которому Свиридовы направлялись. Не то чтобы ей действительно было интересно, забросили ли поле после развала Советского Союза или оно было сооружено какими-то энтузиастами лет десять назад, но перед смертью, как говорится, не надышишься.

Баба Люда, судя по выражению лица, не была настроена на разговоры. «В другой раз».

На границе леса Кирилл бросил взгляд на наручные часы: 6:37.

– Надо быть очень счастливым человеком, чтобы вставить в такую рань по выходным и не рехнуться, – съязвила Света, обходя отца.

Футбольное поле находилось совсем недалеко, и оно, как оказалось, отнюдь не единственная приманка для адептов ЗОЖ. Пространство с турниками и брусьями; квадрат шесть на шесть метров, покрытый песком и перетянутый волейбольной сеткой; крошечная огороженная площадка под хоккей и несколько мусорных баков. Всё в относительно хорошем состоянии, куда лучше, чем само футбольное поле, на котором не было газона.

– По вечерам здесь бывает не протолкнуться, – заметил Кирилл, приступая к разминке. – Даже в футбол играют. На траве.

Стоит признать, по утрам Кирилл никогда не бегал в полном одиночестве, а уж по вечерам здесь бывало действительнолюдно. И подозрительные приезжие, и хмурые местные, и взрослые, и дети и даже пенсионеры с лыжными палками – все приходили сюда после пяти или шести часов пополудни с целью хоть как-то сохранить или улучшить здоровье. А может, развлечься. Пока на одной стороне обширного поля играли начинающие футболисты-школьники под наблюдением тренера, а на другом – смешанные команды из приезжих и местных, на облезлых трибунах собирались немногочисленные болельщики. Турникмены приносили с собой колонки, чтобы музыкой заглушить вопли игроков, а каждый одинокий бегун с опаской поглядывал на футболистов: как бы мяч не вылетел за пределы поля и не угодил ему в голову. По своему романтичная атмосфера, но то вечером, не утром.

Бежать предстояло по узкой изрезанной вездесущими корнями тропинке вокруг поля. Боевой дух Светы, если он вообще был, скукожился до размеров куриного желудка. Концентрация еловых шишек на квадратный метр не поддавалась оценке. А ещё...

– Что за...?

...собаки. С ними у Светы с детства отношения не складывались. Даже в свои шестнадцать она нервничала, если в поле зрения попадала хотя бы одна запуганная чихуахуа, не говоря уже об овчарках и прочих волкодавах. А тропинка вокруг незаконченного

(«Или заброшенного, надо будет обязательно уточнить у бабы – ой, то есть, у женщины предпохоронного возраста – Люды»)

футбольного поля как магнит притягивала собаководов. Вечером их немного, но утро принадлежало им безраздельно. Об этом отец, само собой, не упомянул.

– Пап, какого чёрта?!

Кирилл с раздражением отвлёкся от растяжки.

– Нельзя вечно бегать от своих страхов. Тебе ещё жить в этом мире!

– Да, в мире, полном собак, – нервно рассмеялась Света.

– Да, именно! – мужчина повысил голос. – В мире, полном собак!

– И какую же часть мне, в случае чего, подставить под укус? – верещала подросток, кружась и тыча пальцем то в левый бок, то в правый.

– Да перестань уже! – почти крикнул Кирилл. – Мелкая шушера боится тебя больше, чем ты её. Ты вон какая большая...

– И жирная! – заскалилась Света.

– ...а всякие зубастые и клыкастые, – продолжал отец, – выдрессированы и всегда в ошейниках. Просто не смотри на них. Смотри под ноги. Всё! Погнали!

И они побежали. Обычно вначале берётся низкий темп, и бегуны постепенно ускоряются. Кирилл, может быть, и взял низкий темп, но низким он казался ему одному; Света ро-

стом вышла в мать, да и бежать вровень с тренированным и размявшимся отцом была не в состоянии, поэтому очень скоро начала отставать. Кирилл, в свою очередь, не оборачивался и не обращал внимания на шумное дыхание дочери: он бежал.

«Ты снова пришёл сюда, – внутренний голос напоминал голос одного из видеоблогеров, чьи видео Кирилл посматривал по вечерам; в последний раз это был Мармок. – Пришёл делать вид, что тебе не безразлично здоровье. Да-а, ты настоящий ЗОЖник. И Светик притащил. Ути, какой хороший мальчик! Какой забооотливый папаша! Пусть побегает. Станет такой же, как ты: плохонькой мамой и никудышной женой».

Кирилл ускорился.

«Ты ведь знаешь, что она умерла не потому, что не могла бороться, – теперь внутренний голос звучал как Бэдкомедиан. – Просто она вдруг поняла, что бороться ей не за что! Правда здорово?»

Горло в огне, в висках – стук поездов, но мужчина и не думал останавливаться. Наоборот, он взял максимальную скорость. Никакого контроля над дыханием – тело лучше знает, что и как делать. Всё, что видели расширившиеся зрачки – это буро-зелёное месиво из деревьев, земли и травы. Где-то за спиной кричала дочь, но Кирилл уже не слышал её. Кроме собственного свистящего дыхания и шлёпанья кроссовок он в принципе ничего не слышал. И ни о чём не думал: голова

словно отключилась. Лишь по чистой случайности Кирилл до сих пор не споткнулся и не проехался лицом по земле или не влетел в «собачью мину».

В глазах темнело, и сквозь гул к сознанию мужчины пробился Николай Дроздов.

«Особенно мне нравится в этих созданиях, что они всё время делают друг друга несчастными и при этом считают себя благодетелями. Например, *этот* самец, привлечённый самостоятельностью самки, стремится приручить её и наблюдать за её медленным угасанием. Восхитительные создания!»

– Я ни в чём не виноват... – прохрипел Кирилл, задыхаясь.

«ТОГДА ОТ ЧЕГО ТЫ БЕЖИШЬ?!»

Спина отца всё отдалялась и отдалялась. Утратив надежду догнать его, Света остановилась, хотя и знала, что резкие остановки вредны для сердца.

– Или я переведу дух, или дух переведёт меня!

Когда бласт-биты в ушах стали затухать, девушка услышала треск веток за спиной. Медленно обернувшись, Света увидела девочку десяти лет в джинсовом костюме. Кепка на макушке, в ушах – наушники, в одной руке – плеер, в другой – поводок. А на поводке...

«Какой прелестный сукин сын!»

... мопс. Морщинистая тушка напоминала сгусток теста или обмотанную макаронами тефтелю, а выпученные глаза по бокам головы делали собаку похожей на большую бежевую лягушку. Пока хозяйка задумчиво выбирала трек в плейлисте, пес, словно зачарованный, следил за огромной сонной мухой, кружившей над ближайшим кустом. Света попыталась, не сводя глаз с мопса.

Зверь чихнул. На лице хозяйки прорезалась ухмылка, а у Светы чуть не встало сердце.

– Тише ты, – взволнованно прошептала девушка, шарахаясь от тефтели на ножках, – не хватало ещё кондрашку словить ненакрашенной...

Под ногами предательски хрустнула шишка. Мопс обернулся на звук и высунул язык. В глазах собаки горел едва заметный огонёк, и Света не додумалась – или не смогла – отвести взгляд.

Издав приветственный лай, пёс неуклюже рванул к подростку.

– Па-а-апа-а!!! – Света бросилась бежать, не видя, впрочем, Кирилла.

– Что такое, Мани? – беспечно бросила юная исследовательница плейлистов в ответ на лай любимца, но тут же вздрогнула: поводок вылетел из ладони и поплёлся за весело сопящим мопсом. – Мани, назад! Я кому сказала! Назад!

Света не оглядывалась, хотя разум и призывал остановиться: «За тобой гонится безвредное слюнявое облачко, и

тебе не хватает духу остановиться и тупо постоять?!». Но пока в голове зрели умные мысли, по ушам бил лай мопса.

Лай хаски... овчарки...

Лай четырёх доберманов?!

Девочка с плеером замерла в ужасе: на беззаботного Мани встрепенулись все собаки в зоне видимости. Наиболее внимательные хозяева крепко ухватились за поводки и удержали своих то ли игривых, то ли агрессивных питомцев. Но не все. И не все собаководы признавали поводки и уж тем более намордники. Ребёнок, придя в себя, тут же бросился на защиту своего любимца.

– Ма-а-ани-и-и-и!!!

А Света всё бежала...

Придя в себя, Кирилл обнаружил, что обнимает турник. Голова гудела, из разбитого носа хлестала кровь. Тихонько взвыв, мужчина прижался лбом к холодному металлу. Чуть-чуть полегчало. Проведя в таком положении около двадцати секунд, Кирилл начал различать шелест травы, пение птиц, а также какофонию из криков и лая. Мужчина оторвался от турника и огляделся. Казалось, весь лес стоит на ушах: собаки словно взбесились, опытные собаководы успокаивают питомцев, а иные, принципиально не приемлющие поводки, преследуют своих «братьев меньших».

«Кажется, я заболеваю». Кирилл простонал и схватился

за лоб. Пока голова подражала гудку океанического лайнера, взгляд скользил по окрестностям в поисках серой спортивки, знакомого лица или хотя бы завязанных в «конский хвост» светлых волос. Веки норовили предательски сомкнуться, а лица нещадно перетекали в жёлто-розовый кисель. Всё равно, Кирилл почему-то был уверен, что здесь ему не отыскать дочь даже с исправно видящими глазами. Да и подходить к каждому в надежде разглядеть дражайшую собакофобку всё-таки перебор, ведь каждый шаг давался с боем и скрежетом. Присесть бы, успокоиться, подумать.

До трибун идти и идти, лавочек нет. Мужчина доковылял до ближайшего дерева, прислонился спиной к стволу и осел на землю. Кириллу открылся вид на единственную действительно заброшенную часть лесного спортивного комплекса – на крошечную хоккейную площадку. Непонятно, как вообще предполагалось играть в такой тесной коробке. Зато ограда высокая, хоть прячься за ней.

«Я, блин, в домике!»

Со стороны турников донёсся знакомый рифф. Цой, «Кино», «Мама, мы все тяжело больны». Старинный магнитофон с музыкой далёкой юности, времени перемен и веры в свои силы.

«Через день будет поздно, через час будет поздно, через миг будет уже не встать...» – пел мёртвый идол, и все подпевали, веря ему. Кирилл тоже верил и подпевал когда-то. А сейчас его забитые ноги отказывались шагать в светлое бу-

душее.

«... Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть?»

Из-за ограждения показалось грязное и словно похудевшее лицо Светы. В её взгляде смешались усталость, тоска и нечто вроде озарения. Припадая на левую ногу, дочь подошла к отцу и рухнула рядом с ним. От серой толстовки несло потом, но отец, казалось, погрузился в себя и ничего не почувствовал.

– Знаешь, чему я научилась сегодня? – спросила дочь от-
решённо и, не дожидаясь ответа, продолжила:

– Теперь я точно знаю, что от проблем можно убежать.

– Все так и делают, солнышко, – дрожащим голосом отве-
тил отец, – все так и делают, – и отвернулся. Что-то в глаз
попало.

Света еле слышно подпевала вечно живому.

«Она правда очень похожа на мать. И на отца тоже».

Ошибка выбывшего

Неровное пламя билось об окна затопленной мраком комнаты. Семь зажжённых свечей окружали очерченный солью круг, в центре которого лежала обездвиженная жертва. Её беспомощные конечности были надёжно привязаны к перекрещенным доскам, словно развернувшееся действие было извращённой пародией на казнь Иисуса Христа. Извращённой и кошмарной до отвращения.

Страшно подумать, какие чувства переполняли несчастное создание, обречённое стать мучеником во имя возвращения сумрачного божества!

Перед жутким алтарём распластался служитель мёртвого культа. Его руки, казавшиеся жёлтыми на свету, высовывались из-под тёмного покрывала и плыли в воздухе над телом безмолвной жертвы, а пальцы скручивались в невообразимые мистические пасы, изображая таинственные символы забытого алфавита, древнего как само человечество.

– Касымат! Урук-хай! Ни-шо! – шептал культист, напряжённо вглядываясь в широко распахнутые глаза распятого. – О, Великая Чучундра, Пожирательница младенцев, Пастырь черных овец. Яви Себя во всём Своём великолепии! Я хочу узреть Твои бездонные глаза!..

Жертва нервно задергалась, ощутив инородное присут-

ствие. Нечто, одинаково чуждое как ей, так и её палачу, неожиданно дало о себе знать. Культист, казалось, не замечал отдалённые шорохи и легчайшее дуновение сквозняка...

Дверь шумно распахнулась. Жрец подпрыгнул на коленях и завалился на бок, едва не опрокинув ближайшую свечу. Справившись с первым испугом и непослушным капюшоном, на мгновение перекрывшим обзор, культист вперил взгляд в потустороннюю сущность.

Яркий свет извне вычерчивал жуткий корявый силуэт, отдалённо похожий на человеческий. Огромная голова в форме то ли помятой пирамиды, то ли нарисованного дрожащей рукой треугольника на волнистой шее, утолщавшейся ближе к верху. Обвисшие уши с широкими блиноподобными мочками. Скрюченные пальцы с длинными когтями. Масивный, выпирающий вперёд живот поверх кривых ног.

Культист опустил голову и съежился под тяжёлым взглядом невидимых ему глаз. Существо подняло когтистую лапу и принялось шарить по стене.

Раздался щелчок. Тьма рассеялась.

– Тима!

Тима лежал на полу, закутавшись в великоватую ему робу. Пламя свечей, некогда напоминавшее костёр, терялось на фоне тусклого света от люстры с энергосберегающими лампочками.

Пирамидоголовый монстр оказался Полиной, облачённой в предельно клишированный костюм ведьмы (и в серьги в

форме тыковок), и Женей, которому до рождения оставалось ещё два месяца.

– Что ты опять творишь?! Что ты сделал с Криси?!

– Я ничего такого не хотел! – затараторил Тима, спешно отвязывая грызуна от досок. – Мне просто нужно было принести кого-нибудь в жертву Чучундре! – Мальчик поднялся и протянул сестре заёрзавшую в руках крысу.

Полина всмотрелась в острую мордочку Криси; грызун, узнав хозяйку, расплылся в подобии улыбки.

– В жертву принести... Чучундре. Вот дуралей.... Ну и как, вызвал своего демона? – ядовито скривилась старшая. Тима смерил её с ног до головы.

– Даже двух, – пробормотал ребёнок, не решив до конца, хочет ли он, чтобы сестра услышала ответ.

– Давай, сворачивай свой недоалтарь и выходи! – обычно Полина устраивает долгие и громкие разборки, но на сейчас было не до этого. – Не хочу опаздывать на *тусу* из-за твоих закидонов, – и удалилась с крысой в руках, не потрудившись выключить свет или хотя бы прикрыть за собой дверь.

Печально вздохнув, Тима закрыл дверь сам. В который раз он жалел, что родители отказываются устанавливать на неё замок, хотя бы обычную щеколду. Ритуал сорван, а ночь, подобная этой, бывает лишь раз в году. Но делать нечего. Мальчик вытащил из-под кровати потрёпанную школьную тетрадь и с кислой миной пролистал её страницы.

«Долгие часы размышлений и поисков в интернете. Все

эти походы в лес и за гаражи, все эти приготовления – и всё зря!»

Серые страницы в широкую линейку заполняли загадочные формулы, рисунки диковинных и жутких существ, отрывки корявого, едва разборчивого текста и красноречивые заголовки: «Призыв Кровавой Мэри», «Призыв Слендермена», «Коридор в Закулисье» и многие, многие другие. В неровных кружках напротив большинства из них были выведены жирные кресты. Ничего не получалось.

Кружок напротив заголовка «Призыв Чучундры» дразнил своей незаполненностью.

– Может быть, всё это работает лишь в определённое время? – пробубнил Тима, ставя крест на прерванном ритуале. – А вдруг это могло сработать только сегодня, в Хэллоуин? Умеет же Поля припереться, когда не надо! Поля-корова... – и швырнул тетрадь и ручку с обгрызенным колпачком на кровать.

Раньше Тиму не брали на праздник. Да и от праздника раньше было только название, а на этот раз кое-кто подсуетился и организовал настоящую костюмированную вечеринку. Раз сестра заглянула в Тимину комнату, значит, родители уже собрались, и ждали только его. Мальчик пригнулся к полу и задул все свечи, после чего переставил их на стол. Только сейчас, когда ритуал уже завершился, до мальчика дошло, что он не удосужился задёрнуть шторы, из-за чего, в случае успеха ритуала, кто-нибудь мог заметить Чучундру.

«Ей бы это не понравилось».

Глаза Тимы уже начинали щуриться и слипаться, ибо он не привык бодрствовать столь долго и до столь позднего часа – родители вечно чинили препятствия. А ведь это сильно мешало: не каждого монстра можно призвать днём на выходных! Запоздало зашторив окна, Тима выключил свет и подхватил тетрадь с ритуалами – ещё раз посмотреть, всё ли он правильно делал.

«Блин, а вдруг всё надо было делать наоборот?» Взгляд мальчика пал на зеркало. Уличный свет, худо-бедно просачивавшийся сквозь крошечные интервалы между коричневыми полотнами шифона и белыми оконными рамами, едва вылавливал из тьмы силуэты мебели и некоторых предметов: свечей, книг на полке, зеркала на стене, двух силуэтов в нём, блестящую латуню дверную ручку...

Ручка резко опустилась. Тима обернулся, а его сердце словно подскочило к границе грудной клетки и упёрлось в верхние рёбра. Казалось, что дверь открывается слишком медленно...

– Ты уже готов?

Знакомый голос смыл тревогу, словно растворитель – краску с картины. Тут же в проёме появилась кудрявая голова, а затем и всё остальное, облачённое в костюм скелета.

– Да, мам, – выдохнул Тима, невольно улыбаясь и натягивая на голову капюшон, – уже иду!

– Хорошо! – весело подмигнула мама и тоже натянула

на голову свой капюшон, демонстрируя сверкающий белизной череп. Затем женщина вернулась в коридор и прикрыла дверь. Пока та закрывалась, Тима отметил, что кости на костюме светились тем ярче, чем темнее становилось кругом.

«Это даже круче, чем мой костюм сектанта!»

Увлечённый мыслью о маскарадном костюме, Тима не почувствовал лёгкое, эфемерно-воздушное прикосновение к спине.

Цепкие словно щипцы руки схватили ребёнка за плечи и рывком развернули. Вскрикнув от неожиданности и боли, мальчик упёрся взглядом в тёмное ничто. Лишь спустя несколько мгновений испуганного снования по чернильным прямоугольникам штор глаза выделили шероховатый столб позвоночника, не обременённого ничем, кроме нескольких пар рёбер.

В животе похолодело. Тима поднял голову.

Высохшее бледное лицо с провалившимся носом.

Бездонные глаза.

Вместо вопля ужаса горло мальчика покинул лишь хрипящий выдох, напоминавший неразборчивое лепетание беспробудного пьяницы, только без характерной сипоты и с неожиданно высоким тембром голоса.

Тима не смог отвести взгляда от чёрных кругов пустых глазниц, даже когда они сменились космическим простором раскрытой пасти...

– ... слышишь, *ктулхист* хренов? Вылезай из своей пещеры, а то без нас всё съедят!

Полина вошла ещё бесцеремоннее, чем прежде. Скучное уличное освещение не позволяло сходу разглядеть низкорослую фигуру в робе, если таковая и имелась. Снова нашарив на стене выключатель и вернув миру вокруг определённость, Полина нервно усмехнулась.

– Ладно, сейчас ты меня напугал.... Выходи, ну! «Шалость удалась» и всё такое...

Раскрытая на кровати школьная тетрадь в линейку смотрела в потолок загадочными формулами, рисунками, отрывками корявого, едва разборчивого текста...

– Тима, г-где ты?

Что-то явно было не так. Ни под кроватью, ни в шкафу никого не оказалось.

Зато кружок напротив «Призыва Чучундры» злорадно щеголял галочкой.

Вендиго

Ветер крепчал. Густые брови едва спасали глаза Хоты от холодной дробы. Кругом не было ничего, кроме свистящего морозного воздуха и белых перьев ослепляющего снега. Хотя желал обернуться и бросить прощальный взгляд на стоянку своего народа, увидеть Серет с малышкой Кими, безмолвно глядящих ему в след, но каждая минута могла стоить слишком много.

С севера шли *гуроны*. Много *гуронов*. Слишком много, чтобы здешние *кри* могли выступить против них, даже объединившись. Озлобленные и голодные пришельцы не знали пощады, поэтому племени остаётся лишь спастись бегством дальше на юг. Разве можно сейчас оставлять семью и идти одному? Ведь когда *кри* покинут эти холодные и пустынные земли, каждый охотник будет на счету!

Вот только Хота шёл не на юг, а на север. Шёл с одобрения шамана и вождя племени. С одобрения...

Мокасины уже не спасали, снег становился слишком глубоким. Ещё немного, и воин рискует смертельно заболеть вдали от помощи. Но это уже не важно. Хотя знал, что больше не увидит улыбку Серет или то, как Кими изображает медвежонка (а получается это у неё очень убедительно)... Нет, он не собирался в одиночку противостоять нашествию,

лишь задержать их и вымотать. И воин будет не один, а с духами. Вернее, с конкретным духом.

Белоснежная степь сменилась облысевшим лесом, а это значит, что осталось совсем немного. Пройдя достаточно глубоко, чтобы деревья окружили воина плотным кольцом стволов. Хотя обнажил нож и пролил свою кровь на снег. Клинок отправился в ближайший сугроб: вендиго должен быть уверен, что индеец не будет сопротивляться, хотя это бы ничего и не изменило.

Ветер переменялся. Морозный воздух начал обходить Хоту стороной. Хороший знак. Оставалось надеяться, что заклинание шамана сработает, и злой дух не убьёт воина на месте. Зима выдалась голодной, но для спешно покидавшего стоянку племени она скоро закончится. Но не для Хоты, его ожидал вечный голод. И множество безвкусных *гуронов*.

Лесная Венера

Снег едва растаял, а команда Бориса уже рвалась в бой. Ружья и бурые пятнистые костюмы ждали своего часа с осени, когда лучшим камуфляжем оказались домоседство и удалённая работа.

«Это будет весело. Мы всё предусмотрели!» – так казалось Борису, пока рядом сидели крепкие бывалые мужики. А сейчас он жалел, что вообще связался с этими придурками! «Постреляем, отдохнём, – улыбался заводила Дмитрий. – Нас ещё благодарить будут!» Разбить бы бутылку «Царской» о его пустую голову, но питьё осталось в машине, а на горле виновника уже сомкнулись клыкастые челюсти.

Волки – и вся природа – будто ждали гостей. Стоило охотникам сунуться в лес, как кроны деревьев перестали пропускать солнечный свет, и за стволами вспыхнули десятки голодных глаз. Звери напали со всех сторон одновременно. Шансов не было. Дмитрий задохнулся, упираясь головой в корни. Остальным – Алексею и Ивану – перекусили сухожилия на ногах, а затем парней просто разодрали на куски. От предсмертных воплей хотелось спастись обмороком.

Одна из тварей сбила Бориса с ног, но не убила.

«Уже хорошо».

Возня шла где-то позади, над мёртвыми, но вскакивать и

бежать было подобно самоубийству, и Борис пополз – назад к машине, благо горе-охотники не успели углубиться в чашу. Каждый метр давался с боем, любая неровность ощущалась лезвием. Похоже, Борису сломали ребро. Но треск ткани, кожи и рычание становились всё громче, и передышка могла стоять жизни.

«Ещё немного... ещё чуть-чуть...»

Борис вывалился на асфальт, но машина стояла далеко, а волки будто забыли об остальной добыче и обступили его, измученного и еле живого. В глазах рябило как на разбитом мониторе.

Волки расступились. Холодная рука приподняла голову Бориса, и он увидел мертвенно-бледную деву. В её глазах не была зрачков, а на теле – одежды.

«Ты остаёшься» – прошептала она, но разве её губы шевелились?

Борису словно сломали все кости разом. Кровь хлынула изо рта, зубы вылезали из дёсен. Борис вертелся на асфальте как рыба, выброшенная на берег, и кричал.

Последнее, что услышал затухающий разум перед тем, как погаснуть окончательно: стон от нестерпимой боли перешёл в собачий скулёж.

Когда деревья снова станут зелёными

1

Едва сойдя с автобуса, Дмитрий понял, что погорячился, заочно окрестив Новые Лисы *очередным Мухоморанском*. Он никогда не выезжал из Москвы и, в отличие от Киры, не видел ни просто маленьких городов, ни по-настоящему вымирающих сёл. Чистые просторные улицы, дразнящий ноздри запах ванили и корицы и множество парней и симпатичных девушек кругом оказались для Дмитрия полной неожиданностью.

– Песец всегда подкрадывается незаметно, – буркнул Дмитрий, отвечая на самодовольный взгляд Киры. Упиваясь своей маленькой победой, девушка достала из сумочки смартфон: дорогу до гостиницы ещё предстояло найти.

– Не эта ли? – Дмитрий указал на белое трехэтажное здание, сиявшее на солнце дальше по дороге. Над дверью висела вывеска с какой-то рыжей завитушкой.

– Наверное, – Кира пожалала плечами, и путешественники, нагруженные сумками и чемоданом, направились к предполагаемой цели.

Фигура на вывеске гостиницы «Рыжий хвост» – белое

здание действительно оказалось гостиницей – это лиса: остромордая, усатая и хвостатая. Такую же встретили Кира с Дмитрием, как только открыли стеклянную дверь и пересекли порог. Зверёк свободно гулял по вестибюлю, а в момент вторжения подскочил и убежал за стойку администратора. Дмитрий невольно проследил за лисой, и его взгляд задержался на глазах... да, на больших и ясных глазах улыбочливой шатенки в белой блузке.

– Здравствуйте! Чем могу вам помочь?

«Всюду вас, красавиц, ставят...»

Дмитрию в бок упёрся локоть Киры.

– Здравствуйте, мне на прошлой неделе пришло письмо, – Кира открыла приложение электронной почты и показала администраторше экран айфона. – Я веду блог-миллионник, и вы – ну, не вы, а ваше руководство...

Администратор кивнула. Лиса, кажется, перестала бояться и подбежала к прибывшим. Вернее, к Кире. Зверёк с явным интересом обнюхал её и потёрся о ногу. Лицо администраторши стало серьёзным и даже испуганным.

– ... попросило... да что же ты... застримить ваш праздник. Как его там... – отмахнулась от лисы.

– А, вы на Зарю Цветения? Очень рады! – Дмитрий невольно поежился от улыбки девицы за стойкой. Так же зловеще и искусственно улыбалась Кира, когда только начинала вести видеоблог о путешествиях. – Мы уже боялись, что вы не успеете. Церемония начнётся завтра на рассвете. Ваш но-

мер готов! – Девушка передала ключ Кире и сделала пометку в журнале. – Дальше по коридору, последняя дверь слева.

Когда Дмитрий, следуя за Кирой, поравнялся со стойкой, администратор заговорщицки поманила его.

– Подождите... – прошептала она и скрылась под стойкой.

«Так, а это ещё что?»

– Заря Цветения – праздник любви и возрождения, – промурлыкала девушка, вручая Дмитрию бутылку вина. – Хорошее вино. Девушкам всегда нравится! – и улыбнулась.

Не так искусственно, как при Кире.

2

Гостиничный номер явно не относился к классу «люкс». Наивно было надеяться на это. Кире было не привыкать. Дмитрию же не понравилось, что нет большой двуспальной кровати, лишь две «полторашки».

А так хотелось...

– Может, сдвинуть их... – предложил парень, но наткнулся на ледяной взгляд, который нельзя было истолковать двояко.

«План А не сработал, переходим к плану Б».

– А мне тут винишко подогнали, – как бы между делом протянул Дмитрий, откупоривая бутылку предусмотрительно взятым с собой штопором.

– Не буду, – пробормотала Кира, занятая анонсом завтрашней трансляции в соцсетях. – Не хватало ещё нажраться

в хлам и всё проспять.

– А я выпью! – В сердцах крикнув, Дмитрий сделал несколько крупных глотков прямо из горла бутылки.

Поглощённая работой, Кира не замечала шумного бульканья друга. А может и не просто друга – сама ещё не разобралась.

– И потом, – продолжил Дмитрий после того, как поставил бутылку на тумбочку, – там и градусов почти нет... Ик! Уж я-то в жизни бухла...

Слова смолкали, едва сказанные. В голове резко загудело, и Дмитрий, промямлив что-то на пьяном наречии, рухнул на пол. Затуманенный взор успел выхватить вскочившую Киру прежде, чем мир смазался и потух. Сквозь барабанную дробь в висках пробились шаги, испуганные женские крики, визг... фырманье.

3

Холодный камень. Хоровое пение. Пляшущие вокруг языков пламени тени. Свет просачивался под веки. К Дмитрию постепенно возвращались чувства. Медленно и по частям, но мозг всё-таки выстраивал относительно внятную картину произошедшего.

«Администраторша... бухло... кабздец... фыр-фыр... Фыр-фыр?»

Усилие воли – и веки разлепились. Знакомая лисья морда упёрлась Дмитрию в щёку.

– Ах, это ты, сука...

Лисица сердито чихнула парню в лицо и спрыгнула с его груди. Попытавшись рывком подняться, Дмитрий обнаружил, что обездвижен. Его тело крепко привязали к какой-то поверхности – ни рукой пошевелить, ни голову повернуть.

– Что вы делаете?! Отпустите меня!!! – Дмитрий узнал бы визг Киры из тысячи – даже сквозь пение дюжины девушек в вышиванках, водящих вокруг голого дерева хоровод, и бормотание стариков. – Дима!!!

– Тотем Покровителя общины указал на Тех, чья жертва пробудит Природу от Спячки, – бухтел старик, стоявший перед деревом – и перед Кирой, привязанной к его стволу. – Во благо Рода, Яви и Правды!

– Во благо Рода, Яви и Правды! – подхватили кругом.

Раздался звук рассекаемого воздуха, и на корни с бульканьем полилась кровь.

– Ди-и-ы-ы-ы... а-а-а...

– Нет... Нет! Уроды! Что вы...! – над Дмитрием нависли самодельные лисьи маски.

– Когда деревья снова станут зелёными, а небо очистится, ваши души воссияют в лучах Божественного Света, ибо жертва ваша была не напрасна!

В руках «лис» блеснули заточенные бычьи рога.

Десятки ударов во влажную плоть и безудержные крики предсмертной агонии возвестили о начале весны.

Корень проблемы

Он вышел наружу. Нескладный, низкорослый и толстый. Рождённый как издёвка над реальностью, что выпячивают одни и игнорируют другие. Собрать его по кусочкам было нелегко. Туда, где могла расцвести природная красота, вживлялись имплантаты, привлекательные сам по себе, но в общей картине выглядевшие жемчужинами в грязной жестяной банке.

Экватор вызвал затруднения. Понадобилось две недели, чтобы настроиться на полчаса работы над сердцем монстра. Самопровозглашённый Франкенштейн далеко не всегда получает удовольствие от своей работы. Однако он убеждён, что от «себя ему» больше нечего сказать.

Существо бросило миру вызов, явившись на суд людских глаз. Оно словно раздражитель, требующий реакции. Вопрос, нуждающийся в ответе. Артист, мечтающий об аплодисментах. Но мутный взгляд вызвал у случайных прохожих глубочайшее отвращение, а зов остался без ответа. Почти все кругом попрытали лица, скрывая друг от друга обличающее возмущение, дрожащие подбородки и слезы на горящих щеках. Каждый опасался, что другие прочтут на его лице беззвучное признание. Согласие с тем, что такое безобразие имеет место под солнцем; что все усилия лучших умов чело-

вечества, все попытки облагородить прямоходящую обезьяну – пошли прахом.

– Они не любят меня! Они ненавидят меня! – взвыл монстр с порога, вернувшись к создателю. – Почему, почему ты не сотворил меня красивым? Почему ты не сделал меня достойным их радости и восхищения?!

– Дело не в тебе, совсем не в тебе. – Бледный безумец выглянул в окно. Почти все люди внизу молча разошлись по своим делам, но некоторые остались и ждали.

– Что ты хочешь сказать?

– Вот что ты для них, – создатель поднёс к лицу карликового монстра предмет. Мельтешение пучков света на отполированной поверхности радовало и внушало тревогу одновременно.

– И только? – существо не могло поверить своим глазам.

Зеркало. Этим предметом было зеркало. А люди не хотели в очередной раз расписываться в собственной никчёмности.

Резиновые изделия жаждут крови!

1

В подворотне взвизгнул кот. Коллектив фабрики, уставший от безделья, моментально среагировал. Все сорвались с рабочих мест и, выбросив в мусорные баки начатую со скуки работу: чертежи, бухгалтерскую отчётность, заготовки и швабры – разошлись по своим коробкам. Охранник ушёл самый первый, и на то были веские причины: утром он женился по телефону на дочери бывшей (а может и не бывшей) порноактрисы и теперь со всех ног спешил к любимой тёще: шестидесятилетняя женщина – это самый сок!

Солнце село. Завод резиновых изделий опустел.

Ну, почти село. Ну, почти опустел.

Обворожительная бухгалтерша Фелиция, следившая за здоровьем и фигурой, решила не торопиться и своевременно перекусить. Пока челюсти перемалывали гамбургер с ещё живой жабой, с которой красавица имела некоторое внешнее сходство, на неё во все глаза влюблённо таращился Алексей Шаурмякин – не только по фамилии, но и по происхождению.

Всем известно, что шаурмяки – горячий и прямодушный народ. Горячий как жареное мясо и прямодушный как рулон лаваша. Алексей не был исключением.

– Фелиция, Фелиция... – мечтательно пропел начальник; заметив, что подчинённая напряглась, сладострастно крикнул: – Дай за так!

Диета – штука непростая, даже болезненная, и Фелиция – не надо её осуждать! – дала слабину. Отшвырнув в угол гамбургер с изрядно пожёванной жабой, Фелиция выхватила из рук Алексея «Так» – оздоровительный батончик с солёной карамелью под толстым слоем шоколадной глазури – сняла юбку и упёрлась локтями в стол. Кресло полетело вслед за ужином. В иных сигналах Алексей не нуждался.

Мучимый подступившей к горлу нежностью, Шаурмякин смачно плюнул в сторону возлюбленной. Сгусток коричнево-зеленоватой слюны угодил в край блузки поверх поясицы и обольстительно стёк по дряблой, морщинистой ягодиче, оставляя блестящий влажный след. Фелиция вздрогнула и рыгнула. Алексей был доволен её реакцией, как и собой, и принялся за штаны. Ширинки не было, всё держалось на пожелтевших пластмассовых пуговицах. Достаточно растянуть всего одну, и все в радиусе десяти метров начинали пиццать. А как иначе?

Но сегодня особый случай, и можно растянуть все пуговицы. Теперь осталось обезопасить себя от, несомненно, богатого внутреннего мира Фелиции, надев презерватив.

Пакетик всё никак не желал рваться, и Алексей вцепился в него зубами.

«Сделан кривыми руками нашего стахановца, а всё равно

крепкий, сукин сын!»

Начальник пыхтел и выл, будто уже начал без партнёрши. Фелиция ждала и ела, ела и ждала. Устала ждать и оглянулась. Увиденное привело её в ужас и едва не лишило чувств.

– Стой! Не сметь! Не сметь!

– Что? – От неожиданности Алексей чуть не выпрыгнул из брюк. – Я его обязательно продырявлю, не волнуйся.

– Идиот! – Фелиция глядела на своего босса как на последнего академика. Не успел тот моргнуть глазом, как паке-тик, по отношению к которому Алексей уже испытывал куда более сильные чувства, чем к бухгалтерше, полетел в угол. Жаба из недоеденного гамбургера среагировала мгновенно.

«Ух, какая здоровенная блестящая муха! Ик!»

– Удовольствие ж не то! – фыркнув, Фелиция вернулась в позу. Теперь-то можно начинать.

Стол затрясся, и весь этаж тоже. Жаба в углу зачарованно плялилась на чудное действие, в то время как кислота в её желудке, способная растворить не то, что фольгу, броню, стремительно разъедала упаковку презерватива.

2

В минуты, когда зубы Фелиции заняты оздоровительным батончиком уши, как правило, закладывывало. И всё же она слышала крик за спиной. «Ожидаемый элемент кульминации» – подумалось Фелиции, и она успокоилась. Но где-то под скальпом, в полупустых катакомбах черепной коробки

буркнула мысль: «Не то». Не тот звук, что обычно издаёт Алексей. Слишком громко, слишком чётко и с призвуком страданий.

Всё же, первое со вторым можно списать на последствия большого несчастья, случившегося с жаболицей красавицей два дня назад. Об этом даже в газете писали: «Сумасшедшая заставила финалистку «Мисс Марианская впадина» прочистить уши». Особо впечатлительные падали в обморок от одного только заголовка. Люди покрепче падали от фотографий. Настоящий шок-контент.

Но как объяснить горечь и боль в голосе начальника? Во всём городе не сыскать столь же лакомого кусочка как Фелиция!

– Чего, больно? – обернулась бухгалтерша, облизывая перепачканные шоколадом губы. Алексей взглянул на подчинённую, выпучив глаза. В этот момент они друг друга стояли.

– Я молчал, – выпалил он, роняя каплю слюны. Та смачно влетела в дощатый пол – такая кругом царила тишина.

Недожёванный батончик полез обратно и вывалился на стол, оставляя на счёт-фактурах коричневые разводы. Ответ Алексея шокировал красавицу, и мысль, доселе мирно плававшая по немногочисленным извилинам комка жира, заскреблась в голове, точно голодная кошка.

– Но если это не ты...

Оба резко обернулись. Бледный глист Шаурмякина выпал

из Фелиции, но тут же, извиваясь и недовольно пища, принялся слепо тыкаться в поисках укрытия от света. Благо для несчастных ушей Фелиции, Алексей проявил себя настоящим джентльменом и вопреки испугу: вдруг кто-то подглядывал за ними и записал Алексея в *скорострелы* – спешно спрятал червя в штаны.

Что-то булькало и шипело, скрытое от глаз. Приглядевшись, любовники заметили дым, поднимающийся к потолку из угла. Прижимая руки к груди, Фелиция с Алексеем сделали робкие шаги к источнику. Жаболицая красавица схватила со стола линейку, а Шаурмякин проявил себя не только джентльменом, но и настоящим храбрецом, самозабвенно прикрыв пассии тыл.

Шаг за шагом бульканье становилось всё громче и отчётливее. Оно успокаивало, играя на расстроенных нервах знакомую мелодию стонов пресытившихся жиром желудков. Едкий запах соляной кислоты лез в ноздри, дразня их и дурманя разум. Алексей, не ограничивавший себя в еде и потому сытый, не замечал этого, но Фелиция страдала духовно. На пол с её подбородка закапали кристально чистые слюни. Не смотревший, куда шагает, Алексей чуть не рухнул вниз: его ноги разъехались в стороны, едва стопы оказались в свежей лужице. Спасая себя от падения, Шаурмякин нечаянно подтолкнул зачарованную звуками и запахами бухгалтершу.

Вскрикнув и закрыв глаза от испуга, Фелиция просеменила вперёд и едва не влетела в стену головой. Кроме булька-

нья Фелиция слышала, как капельки от лопающихся пузырей оседали на обоях. От аппетитного запаха участился пульс. Бухгалтерша открыла глаза.

Прямо под Фелицией лежало розоватое месиво-желе в пятнистой каёмке, в коей с трудом угадывалась склизкая болотисто-изумрудная кожа. Месиво хлюпало, словно в останках шевелилось нечто.

«Можно ли это съесть?» Фелиция почесала влажный подбородок, внимая урчанию измученного желудка. Алексей выглянул из-за её плеча, пытаясь понять, что он всё-таки видит.

– Это новая резиновая пепельница? Не припоминаю такого дизайна...

Ошмётки крикнули. Фелиция отшатнулась, едва не сбив начальника с ног; спасло лишь то, что сам Алексей обладал феноменальной реакцией и отскочил от источника звука ещё до того, как среагировала жаболицая красавица.

Из розоватого месива, похожего на йогурт с ягодным наполнителем, показалось... нечто. Белёсое и местами переливающееся фольгой, *нечто* напоминало крошечное прозрачное блюдо.

– А-а-а, это твой дурацкий презерватив, – выдохнула Фелиция и, обернувшись, ткнула линейкой в брюхо Алексея, который, будучи надёжным малым, не посмел оставить свой пост (надолго). – Видишь, от них одни неприятности! Я вообще не представляю, зачем их производят.

– Ну, не скажи! – насупился Алексей – всё-таки директор завода по производству резиновых изделий. – Их можно натягивать на голову как чулки, делать из них водные бомбочки, использовать вместо пластилиновых мешочков для анчоусов и зелёного горошка, подбрасывать в багаж...

Не успел Шаурмякин загнуть последний палец на руке, как раздался леденящий душу рык, от которого пара подпрыгнула.

– Да что же это такое?! – взвизгнул Алексей и засеменял в угол. – Да что же это... А-а-а!!!

Фелиция обернулась на крик.

Презерватив, заполненный разжиженной плотью и желудочным соком, грузно вывалился из комка кожи и слизи и с угрожающим писком пополз к Алексею. Не к Фелиции, что застыла от немыслимости представшей её глазам картины. Возможно, продолжительный и пронзительный визг директора завода выдавал засевшую в нём сильную и выносливую шаурмячную суть.

А может...

– Надень... меня...

... а может, были и другие причины.

– Надень меня-я...

– Н-не-ет!

– Надень.

– Не-е-хе-хе-хет! – проблеял трясущийся Алексей, чья могучая воля таяла под напором богомерзкого чудовища.

– НАДЕНЬ МЕНЯ!!!

– А-а-а-а!

Ноги едва не отказали мученику, и неизвестно, чем бы всё кончилось, не окажись Фелиция рядом. Храбрая жаболица красавица обхватила Алексея вокруг талии и рывком вытащила, обмякшего и изошедшего потом, из комнаты, после чего хорошо поставленным ударом ноги захлопнула дверь.

Все претендентки на звание «Мисс Марианская впадина» обязаны уметь вышибать двери, деньги и аплодисменты. А как иначе?

3

Неровным светом освещала подсобку одинокая лампочка. Потревоженная порывом ветра, она зловеще качалась под потолком, грозя лопнуть и погрузить Фелицию с Алексеем во тьму.

– Надо выбираться, – бухгалтерша вытерла рот о рукав директора и решительно поднялась на ноги. – От булочной – то есть, свободы – нас отделяют два коридора и лестничный пролёт.

– Ты с ума сошла! – закричал Алексей во весь свой сильный и красивый голос. – Там снаружи презерватив-убийца! Он ищет меня! Он гонится за мной!!!

– Если мы останемся здесь, – рассудительно продолжила Фелиция, подойдя к двери, – он может позвать друзей, и они все заставят тебя надеть их не только на член, но и на пальцы.

Ты этого хочешь?

В воздухе повисло молчание. Жуткое предостережение отдавалось в ушах мучительным эхом. Алексей вздрогнул и побледнел, представив описанную экзекуцию – и свой облик после неё.

«Засмеют ведь!»

– Нет. Не хочу, – собравшись с духом, Алексей последовал за жаболлицей красавицей.

Но прежде, чем Фелиция повернула дверную ручку, на то место, где только что находился директор, шумно упала коробка с явно массивным содержимым. Не прошло и секунды, как картон развалился, и под ноги парочке выпали разноцветные продолговатые резиновые изделия.

Выпали – и зашевелились.

«Фу, как не эстетично! – поморщилась Фелиция, заметив наиболее крупное и блестящее: из чёрного латекса, ребристое. – Нет бы, в разноцветный горошек покрасить или в полосочку...»

Испутив страшный вопль, изделия дёрнулись и стремительно поползли к Фелиции и Алексею. Вопль плавно перешёл в крик парочки, что тут же ретировалась за дверь.

Изделия агрессивно заколотились с той стороны: и внизу, и вверху.

– Баскетбольные мячи! – воскликнул Алексей. Было бы странно, если бы директор завода резиновых изделий не узнал один из самых ходовых товаров своей фирмы по ха-

рактерному звону. Звону, похожему на звон разбитых витрин, автомобильных стёкол и окон. Близкий друг Алексея, директор стекольного завода, отмечал музыкальность этого звона и благоприятность для бизнеса: после него всегда появлялись клиенты.

Грохот усилился. Судя по всему, в кладовке последовательно опрокидывались стеллажи. Что-то или кто-то сметало всё на своём пути к двери.

– Покрышки! – поняла Фелиция. Алексей, будучи сообразительным малым, внезапно осознал причину сегодняшних несчастий. Да и табличка на двери: «Склад бракованных изделий. Входить на свой страх и риск!» – как бы намекала...

– Бежим!

Пара пустилась наутёк, причём весьма своевременно, ибо уже второй удар упругого тарана снёс дверь с петель. От стука в висках и грохота собственного топота все прочие звуки: хлёсткий звон мячей, размеренный рокот покрышек, стеллажная пола – перестали существовать, и лишь волосы на затылках и спинах, вставшие дыбом от безглазых взглядов, подгоняли Алексея с Фелицией.

Огромная – около трёх метров в диаметре – покрышка катилась едва ли не быстрее, чем Фелиция убегала. Алексей же оказался шустрым малым и почти моментально добрался до двери, отделявшей коридор от лестничной клетки. Однако...

– Чтоб тебя!

Ручка оказалась обмотана канцелярскими резинками,

словно жгутами. Стоило Алексею дотронуться до них, как он тут же одёрнул ладонь. Кожа моментально покрылась красными полосами, похожими на следы от укуса морского хомячка.

– Побырпыр!!!

Не успел Алексей обернуться и понять, чей бас ударил ему по ушам, и что означало загадочное «побырпыр», как всё на свете перестало быть существенным. Шаурмякин отлетел от двери как щепка от расколовшегося полена. Перед глазами директора локомотивом пронеслась аппетитная фигура Фелиции. Раздался треск, и дверь развалилась под напором красоты.

«Вот это женщина!» – восхитился дамский угодник, настоящий джентльмен и просто славный малый, невольно залюбовавшись на удаляющуюся спину жаболицей красавицы.

А потом Алексея сбило с ног.

Отпихнув не среагировавшего на «Поберегись!» начальника, Фелиция толкнула дверь плечом. Старушка из ПВХ, облапанная не одной сотней работников, распахнула свои объятия, до смерти обрадовавшись вниманию всеобщей любимицы. Увы, бухгалтерше было не до нежностей, и она сбежала по лестнице, испачкавшись пылью и пластмассовой крошкой.

Звонкий гул баскетбольных мячей следовал за ней по пя-

там. Он был и снизу, и сверху, эхо от стен делало только хуже. Голова измученной красавицы уже начинала побаливать, словно она сама являлась неповторимой пародией жалкого оригинала, упруго отскакивающей от твёрдых поверхностей на радость людям. Быть может, именно это и спасло её жаболицую голову от замены на арбузообразную тыкву мяча.

Резкий поток воздуха. Свист у затылка. Звон разбитого стекла. Фелиция не стала даже оглядываться на дыру в окне, что оставил после себя не особо меткий и, что хуже, не очень-то расторопный спортивный снаряд.

В молодой крови бушевал адреналин. По венам и артериям словно бежал скипидар, Где-то над головой ещё раздавалось певучее «Ай-яй-яй-я!» Алексея, но порочное удовольствие от бега по ступенькам затуманило Фелиции рас-судок. Чтобы спастись от неистовствовавших покрывал, мячей, фаллоимитаторов и прочих презервативов, надо было лишь добраться до первого этажа и покинуть завод через парадный вход, но жаболицая красавица увлеклась процессом и спустилась ещё ниже, в подвал.

А там...

4

– Кря.

– Кря-кря?

– Кря-кря-кря!

Фелиция притормозила. Под ногами булькала и перели-

валась всеми цветами куцей радуги пузырящаяся жидкость. На лбу красавицы выступила испарина: в воспалённом мозгу всплыли пренеприятные, грязные факты, связавшие бухгалтершу с любвеобильным начальником и, возможно, заложившие фундамент сегодняшнего кошмара...

– Кря-я-я-я! Кря-кря... Кря-кря-кря кря-кря кря-кря-кря-я...

Не издавая ни звука, Фелиция прижалась к стене и аккуратно, очень аккуратно высунулась из-за угла.

Толпа жёлтых утят. Недвижимые и молчаливые, они следили за вершиной горы бетонной крошки, где возбуждённо крякал ещё один. На его макушке красовалось чёрное пятно от фломастера, похожее на прилизанные волосы с безвкусной чёлкой, что вместе с полосой на клюве придавало малышу сходство с одним известным австрийцем.

«Спиртом пахнет... Ух, закусить бы...»

Страх как рукой сняло. Фелиция бесцеремонно подошла к оторопевшему оратору и под истерическое кряканье проглотила его.

– Кайф, вкуснятина... – даже привкус резины не мог испортить удовольствие. – Ик!

Утята переглянулись, внимательно посмотрели на прожорливого гиганта, снова переглянулись и одобрительно закрякали, найдя причмокивающую женщину весьма привлекательной.

Польщённая вниманием, бухгалтерша гордо выпятила

грудь. Купаясь в лучах заслуженной славы, она не почувствовала, как выросла и затвердела её грудная клетка, не услышала, как от блузки отлетела пуговица.

– Ик! Ик! Кря! – Фелиция вдруг заметила, что её нос вытягивается и срастается с верхней губой. Нижняя губа, впрочем, тоже не дура: раскаталась и выпрямилась, дополнив собой формирующийся клюв.

На самом деле, предыдущий вождь – напыщенный грязнуля и неврастеник – никогда не нравился ни утятам, ни прочим резиновым изделиям.

Перекрёсток

«Когда тебе плохо, всем вокруг почему-то хорошо.

В метро, в маршрутках, в коридорах. Переглядываются, хихикают, улыбаются, пока ты не знаешь, куда спрятать свои глаза. У тебя, блин, кошки на душе скребут, а студентики и школьники весело обсуждают всякую хрень!

«Знаю, что вы надо мной смеётесь, собаки!»

Знаю, почему они резвятся; на их месте я бы тоже вёл себя, как ни в чём не бывало. «Какой смысл грустить, трястись и скорбеть, если вся эта байда меня не касается?» Справедливо. Наверное, такие же мысли вели меня сквозь тьму последнего десятилетия. Это меня не касается – и всё тут!

Не хочется ничего делать, не хочется думать о том, что готовит завтрашний день. Каждый раз, когда планируешь сделать что-то завтра, понимаешь, что этого самого «завтра» для тебя может и не быть!

Беспокойство и истерия кругом немного успокаивает, напоминая, что я не один такой. Не единственный, кто боится. Зато когда «товарищи по несчастью» ведут себя так, словно ничего не происходит, это жутко бесит. Понятно, чего бояться практически все парни. Понятно, чего бояться некоторые женщины: высоко ценимая во все времена работа врача может обернуться для них абсолютным кошмаром. Можно бы-

ло бы позлорадствовать отчаянную иных, похихикать в кулак, но не хочется. Зато когда люди, оказавшиеся со мной в одной лодке, вдруг начинают шутить, играть с детьми, радоваться чему-то и вообще делать хоть что-то, что отличает здорового человека от потенциального самоубийцы, это бесит. Я сам себя бешу порой.

Неужели это такая форма храбрости – жить, будто всё будет в порядке, хотя самому хочется то ли бежать куда глаза глядят, то ли косплеить Анну Каренину в метро? Я не знаю. Может, это храбро – хранить молчание, когда все кругом визжат, а может это лишь символ принятия, признание в собственной беспомощности.

Уже нет сил улыбаться, нет смысла думать о завтрашнем дне. Не хочется просыпаться, чтобы один-единственный клочок бумаги свёл на нет годы кардиотренировок и отправил меня в могилу. Тогда какой смысл вообще что-то делать? Пытаюсь ли я забыться в рутине? Прячу ли голову в песок в надежде, что буря пройдёт мимо?

Нет, просто если я вдруг решусь обнять несущийся на меня поезд, от этого пострадают те, кого бы хочется сберечь. Печально, но каждый, кто улыбается или хотя бы делает вид, что всё не так уж плохо, пока проезжая часть автодорог и рельсы манят словно постель, в которой хочется уснуть и никогда не просыпаться, делает это не ради себя. Его жизнь – это не только его жизнь.

А вот и моя станция. Пора выходить...»